



Евгений Гаркушев

Кодекс чести

«АСТ»

2008

Гаркушев Е. Н.

Кодекс чести / Е. Н. Гаркушев — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-049498-9

Странный и страшный мир... Здесь население делится на граждан и жителей, на дворян, живущих по законам чести и обладающих правом драться на дуэли, и бесправных простолюдинов. Здесь Константинополь уже много веков входит в состав Российской империи, войны же ведут не солдаты, а аналитики. Далекое будущее? Параллельная реальность? Никита Волков, гражданин и дворянин, привык считать этот мир своим. Но так ли это в действительности?..

ISBN 978-5-17-049498-9

© Гаркушев Е. Н., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мир, описанный в этом романе, похож на наш. В нем изобрели компьютеры и интернет, космические корабли и автомобили, подводные ракетоносцы и атомные бомбы. Только движение в России левостороннее, да революции так и не случилось. И с избирательным правом, по мнению некоторых правозащитников, беда...

А гражданин может забыть дома мобильный телефон, но никогда не выйдет без шпаги. Так требует его честь – ведь до сих пор в ходу дуэльный кодекс, введенный Петром Великим.

Иначе сложилась и вся мировая история. Даже войны ведутся без привычных «ковровых бомбардировок», согласно «государственному бусидо». Но гражданину Никите Волкову придется воевать по-настоящему – и с внешними, и с внутренними врагами страны.

Евгений Гаркушев

Глава 1

Дженни

Серебристая громада «Локхид Мартина» скользнула над стеклянным потолком аэровокзала – самолет разворачивался, завалившись на одно крыло. Рев двигателей, погашенный тройными стеклопакетами, ворвался на мгновение в зал ожидания через открытые окна – началось лето, просторное, но немного запущенное помещение провинциального аэровокзала вентилировали, хотя кондиционеры еще не включали.

Я поднялся с кресла, поправил перевязь с клинком, подхватил букет, лежавший в соседнем кресле, и шагнул к движущейся дорожке с указателем «На летное поле». Дженни нужно встретить у трапа – иначе попадет в лапы таможенников, потеряем минут двадцать.

Самолет ожидали не очень много людей: несколько негров, которым спешить к трапу не было нужды – все равно их соотечественников подвергнут досмотру; пара жителей – не иначе, встречали сына или дочь откуда-то из дальних краев, сутулый старик, который мог оказаться кем угодно, и человек в сером плаще. Он сидел в дальнем углу зала, откинувшись на жесткую деревянную спинку кресла, и на объявление о прибытии рейса не отреагировал. Это показалось мне странным, но совать нос в чужие дела – не самая лучшая привычка. Я встал на дорожку транспортера, которая резво понесла меня к гостевому выходу из аэровокзала.

«Локхид Мартин» подкатывался к зоне таможенного контроля – двигатели шумели немного громче, чем на «Ту-204», но и сам самолет был больше – почти аэробус. Если не ошибаюсь, четыреста мест в двух уровнях. Рейс был чартерным – поэтому меня удивило, что таможенников в полосе ожидания совсем немного. Высокий худой ротмистр с рубиновым гладиолусом на воротнике форменной куртки втолковывал что-то своим подчиненным. Те слушали его в положении «вольно», но не смели отвести взгляд даже на мгновение. Клинок на поясе ротмистра был короче стандартного – возможно, школа алого гладиолуса делает акцент на работу с таким оружием, а может, короткая шпага больше подходит для боя в закрытых помещениях, и ее ротмистр носил только на службе.

Дождавшись, когда начальник таможенников закончит инструктаж, я обратился к нему: – Здравствуйте, ротмистр. Я встречаю гражданку Соединенных Штатов Америки Гвиневу Смит. Беру ее под свое поручительство.

Ротмистр кивнул.

– Хорошо, гражданин. Вас не затруднит передать мне свое удостоверение личности для регистрации? Вы захватили его с собой или назовете данные по памяти?

– Документы при мне. Пожалуйста.

Ротмистр взял пластиковую карточку удостоверения. Взгляд на мгновение задержался на кольце с сапфиром, после чего таможенник стал улыбаться гораздо дружелюбнее. Мастеру шпаги всегда приятно встретиться с хорошим фехтовальщиком – пусть и другой школы.

Проведя по удостоверению сканером, таможенник несколько раз стукнул по клавишам портативного компьютера, который подал ему один из подчиненных.

– Рад был помочь вам, гражданин Волков. Вы узнаете госпожу Смит?

– Да, узнаю. Мне кажется, она уже идет. Первой. То есть второй, после бортпроводницы.

– Отлично. Всего наилучшего, гражданин.

– Успехов.

Дженни действительно спускалась по трапу следом за девушкой в форме авиакомпании. Мягкие рыжие волосы растрепал ветер, в руках – большая сумка и очень длинный саквояж – что у нее там лежит, интересно? Труба или кларнет? Да нет, вроде бы играла на гитаре, а для гитары саквояж слишком узкий...

Без косметики, после долгого перелета, Гвиневера выглядела сильно уставшей. Красавицей ее, конечно, не назовешь – миленькая девочка с англосаксонской внешностью и хорошей фигуркой. Носик вздернут, веснушки, глаза цвета бутылочного стекла – но очень живые, готовые в любой момент рассмеяться.

– Привет, Никита! – закричала девушка еще с середины трапа. Тоже узнала меня изда-лека. Акцента практически не было – только английское мягкое «р» и немного растянутое «Никита».

Я помахал ей букетом и указал на «зеленый» коридор. Молодой пограничник-срочник, оглянувшись на меня, произнес:

– Извините, сударыня, буквально несколько секунд. Разрешите ваш паспорт – для реги-страции.

– Пожалуйста, офицер!

Мальчишка расцвел – такая милая девушка, да еще и назвала офицером. Сканер скользнул по паспорту, и спустя несколько мгновений Дженни вышла из-за символического ограждения – натянутого на металлических столбиках каната, – поставила сумки на бетон и бросилась мне на шею. Наверное, я покраснел, обнимая ее левой рукой и целуя в щеку. Ведь люди смотрят... Хотя она ведь вполне может быть моей невестой! Пахло от Дженни ландышами.

– Какие красивые розы, – продолжала щебетать девушка. – Белые! Очень люблю белые. И шпага! Настоящая шпага, это же надо! Ты на самом деле постоянно так ходишь или только меня встречать приехал при полном параде?

Я улыбнулся:

– Только так. У тебя все в порядке? Хорошо долетела?

– Да, вполне.

– Почему так мало людей в самолете? Я полагал, придется ждать.

– Два салона заполнены какими-то тюками. По-моему, джинсовая одежда. Так что мы летели с комфортом – едва ли половина мест в пассажирских салонах занята, садись куда хочешь. Чартера не пришлось долго ждать.

– Топливо заправляли в Лондоне?

– Нет, в Амстердаме. Не взлетали два часа – грузили еще что-то. Но в город нас не выпустили. А на вокзал я сама не пошла. Спала в самолете.

– Понятно. Ты могла бы прилететь и через Москву – в любой день, причем российским самолетом. Только пришлось бы пройти досмотр и потом лететь сюда местным рейсом.

– Нет, не люблю пересадки. А «Локхид» мне очень даже понравился.

– «Ту» лучше.

– Не будем спорить! – улыбнулась Дженни. – Я не летала на ваших «Ту». И вообще еще ни разу не была за границей. Представляешь?

– Представляю. Я тоже не был. Россия большая, я не успел объездить всю нашу страну – зачем стремиться за ее рубежи, если крайней нужды в этом нет? Поехали домой – ты наверняка голодна, хочешь отдохнуть.

– Нет, кормили на борту вполне прилично. А вот выкупаться и поспать можно.

Я поднял сумки с бетона, поискал взглядом носильщика – но, увы, ни одного поблизости не оказалось. Мы зашагали к выходу – одностороннему турникету на парковочную площадку. Длинный саквояж нести было неудобно – он цеплялся за ножны с клинком, но нагружать Дженни я, конечно, не стал, пусть сумки и не были слишком тяжелыми, особенно длинная.

Оглянувшись – сам не знаю зачем, – я вновь увидел человека в сером плаще. Он стоял на летном поле и пристально смотрел нам вслед. Конечно, любого могла заинтересовать милая девушка с букетом и ее спутник – на что еще смотреть в аэропорту, как не на людей? Но мне интерес незнакомца не понравился. Слишком глухим, не по погоде был его плащ. И шляпа низко надвинута на глаза.

На парковке к нам бросились несколько жителей – водители автомобилей.

– Такси, такси, – повторяли они наперебой.

– Не нужно. Мы на машине, – объяснил я ближайшему усачу, скорее всего грузину, который порывался подхватить большую сумку. Тот обиженно вздохнул, словно бы мы лишили его дневного заработка, и побрел к автомобилю – старенькому разбитому «Мерседесу». Остальные водители тоже потеряли к нам всякий интерес.

Разблокировав охранную систему своего «Руссо-Балта», я поднял двери. Дженни захлопала в ладоши.

– Какая интересная машина!

– Что же в ней интересного? – не понял я. Автомобиль у меня и правда хороший, глубокого синего цвета, давно такой хотел и купил год назад. Но ничего необычного в нем нет – стандартная серия «РБ-111», инжекторный двигатель, пятиступенчатая коробка передач.

– А двери! Двери открываются вверх!

Я как-то забыл, что у «Фордов» и «Бьюиков» двери открываются так же, как в домах, – вбок, по дуге. Да вот и на «Мерседесе» у таксиста так же... Но в русских машинах двери открывают или вверх, или вбок, параллельно кабине. Дженни не привыкла к нашим стандартам, и двери показались ей странными.

– Так удобнее, – объяснил я, забрасывая сумки в багажник.

Гвиневера не стала дожидаться, пока я займу свое место или открою ей дверь, и попыталась сесть в машину – конечно же, справа. Увидела там руль и опять удивленно подняла брови:

– Забыла...

– Ты поведешь? – улыбнулся я.

– Не знаю... Разве можно?

– Наверное, не стоит. Ты ведь не привыкла к левостороннему движению. Так что садись слева от меня. Или сзади – как больше нравится.

– Да, у вас многое непривычно... Другие машины, другие правила движения. И не только движения. Словно другой мир.

– Так и есть. Ну конечно, мир тот же самый, но континент другой, тут никуда не денешься. В Америке, наверное, мне бы тоже многое показалось странным.

Дежурный, получивший хорошие чаевые еще при парковке, открыл шлагбаум практически мгновенно, и мы помчались по шоссе в Западный жилой массив. Ехать нужно было через весь город.

– Ни одного «Макдоналдса», – заметила Дженни, когда мы вырулили на Большую Садовую. – Только «Быстроед» да «Обжорный ряд» – я уже заметила по три таких заведения.

– «Быстроедов» было четыре. Когда проезжали второй, ты отвлеклась – загляделась на фонтан, что возле театра.

– Да, в нем купались дети. Еще холодно, а они лезут в воду...

– Пусть закаляются. К тому же один полз – другие не могут отступить. Здоровое соперничество, боязнь потерять лицо. Многие из них – будущие граждане.

За окном проплывали высотные здания: на первых этажах – магазины, выше – представительства компаний, банки, гостиницы. Жилых домов в центре почти не строили. Состоятельные граждане предпочитали селиться на окраинах, те, кто победнее, – в «спальных» районах.

Людей на улицах было мало – середина буднего дня. Рабочие и служащие заняты делом, празднующих почти нет. Зато велосипедистов очень много, в основном молодые мальчишки и девчонки: посыльные, курьеры, развозчики заказов. Некоторые ехали вдоль обочины на роликах.

Дженни приглядывалась к людям.

– Все не так, как у вас? – улыбнулся я.

– Нет, велосипедистов хватает и в Америке, – ответила девушка. – Но столько людей со шпагами я увидеть не ожидала. Мне казалось, что шпаги носят в России не все.

– Конечно, право носить клинок дано не каждому. Со шпагами – только граждане.

– Понимаю.

– Тогда что тебя удивляет?

– Когда я смотрю на вооруженных людей, мне так и кажется, что они должны подраться. Знаешь, как в театре – если на стене висит ружье, оно обязательно стреляет.

– Мы не в театре. На центральной улице ты вряд ли увидишь потасовку – даже если будешь ходить здесь каждый день в течение десяти лет. Ссору – может быть. Но драться спорщики пойдут в другое место. Надеюсь, тебе не придется стать свидетельницей дуэли. Это не слишком приятное зрелище.

Дженни задумчиво теребила рыжую прядку.

– Если вы не деретесь сразу – зачем повсюду носить с собой оружие? Чтобы обозначить статус гражданина?

– Да. Но главное – не это. Клинок должен быть под рукой, потому что понадобится он может всегда. Я должен быть готов ответить на вызов – не пристало заставлять противника ждать, пока я схожу домой за оружием.

– Он будет ждать?

– Как же иначе? Не станет же он убивать безоружного?

– А если станет?

– Такого не случается. Поступивший подобным образом будет обесчещен до конца жизни... Которого не придется долго ждать. И бросит тень на свою семью, что гораздо хуже.

Дженни потрогала ножны моего клинка – их она почти касалась коленями.

– Тогда почему ваши машины устроены таким образом, чтобы из них можно было выскочить, выхватив правой рукой клинок?

Я улыбнулся.

– Зачем ставить себя в заведомо неудобное положение? В жизни случается всякое. И вообще левостороннее движение принято в мире с древности. Оружие должно быть обращено в сторону того, кто едет навстречу. Если французы после революции решили перейти на правую сторону и их примеру последовали некоторые другие страны, в том числе и Америка, – то это была только дань революционной моде. А мы, русские, консервативны.

– Да, – согласилась Дженни. – Я чувствую... Это же надо – «Обжорный ряд»... Какое древнее название.

– Может, не столько древнее, сколько выразительное. Заведение – для молодежи. В принципе это тот же «Макдоналдс», только еда здоровее. «Быстрое» – вообще уважаемое заведение, сеть основана лет сорок назад. Но обедать мы будем дома, если ты не против. Там все гораздо вкуснее.

Сразу за мостом через железную дорогу начались частные дома. Высокие кирпичные заборы, зеленые сады, крепкие металлические ворота.

– Дома – как укрепленные замки, – прокомментировала Дженни. – У нас заборчики низкие, а порой и вообще нет. Только газоны перед входом. Вы боитесь соседей?

Я задумался на мгновение.

– Соседей – нет. Хотя соседи тоже бывают всякие. Дело, наверное, все в том же консерватизме. И в том, что мы постоянно готовы к атаке извне. Хочешь мира – готовься к войне.

Сейчас, показывая город Гвиневере, я и сам пытался увидеть его со стороны. Ведь я много лет хожу по этим улицам, смотрю на людей и дома, не замечаю того, что должно бросаться в глаза постороннему. Скажем, вымощенные камнем небольшие улочки – атавизм. Почему бы не застелить их асфальтом или хотя бы не забетонировать? Но кладка практически вечная, а то,

что машину трясет, – даже хорошо. В жилой зоне особенно не разгонишься, а какой русский не любит быстрой езды? Вот и служит каменная кладка естественным ограничителем скорости.

Деревья на улицах и во дворах растут без всякого порядка. То пирамидальный тополь, то липа, а то и черешня – на некоторых деревьях, поедая зеленые ягоды, уже лазают дети. Парковочные площадки есть далеко не у каждого дома, и некоторые автомобили стоят сбоку дороги, мешая движению. Стойки для велосипедов кое-где облезшие, давно не крашенные – управе Железнодорожного района следовало бы внимательнее отнестись к благоустройству территории. Правда, бордюры и деревья выбелены, мусор на улицах не валяется, фонарные столбы однотипные, даже с какой-то претензией на вычурность. Город выглядит не так плохо – а проблемы с парковкой, наверное, из-за хаотичной застройки. Некоторые дома здесь возводились сто, двести, а то и больше лет назад. Потом перестраивались, конечно. Но улицы-то остались.

Мы повернули на каменку, машину немного качнуло на «порожке», но хорошие рессоры гасили тряску – я сбавил скорость, и то, что дорога вымощена, почти не ощущалось.

– Я узнаю улицу по фотографиям, – сказала Дженни. – Твой дом – под тем большим деревом?

– Да, орех сажал я сам.

– Лесной орех?

– Грецкий.

Дженни кивнула, а я в который раз отметил, что по-русски она говорит отлично. Даже не стала переспрашивать, что такое грецкий орех и почему я говорю «грецкий», а не «греческий».

– А у нас возле дома растут пеканс, – сказала она. – Тоже орехи. Пробовал когда-нибудь?

– Нет, даже не слышал.

Ворота гаража открылись автоматически – датчик замка принял команду от сигнального устройства автомобиля. И сами закрылись после того, как машина въехала внутрь. Обычно я закрываю их вручную, но сегодня заблокировать программу не стал – хотелось показать госте, на что способна наша техника. Впрочем, Гвиневера не была сильно удивлена. Видно, у нее на родине автоматические ворота не были редкостью или она давно подозревала, что едет в страну чудес, и решила ничему не удивляться.

Никто нас не встречал. Механик и садовник у меня проходящие, а Нина хлопотала с обедом. Я вытащил из машины сумки, и по крытому переходу с зарешеченными окнами мы прошли в дом, поднялись на второй этаж.

– Вот твоя комната, – распахнул я перед Дженни дверь. – Она не очень большая, зато уютная.

Комната девушке, похоже, понравилась. Она заглянула в ванную, потом отдернула штору и выглянула в окошко, удовлетворенно улыбнулась.

– Хоть здесь нет решеток!

– Второй этаж... Залезть сюда трудно, хотя и можно. Когда за тобой зайти? Обед, думаю, уже готов.

– Минут через сорок, – попросила Дженни.

Луч солнца из окна падал прямо на обеденный стол – по всей видимости, архитектор, проектировавший дом, специально рассчитывал угол, учитывая положение солнца на небосводе в разное время года, ориентацию дома и ширину окна, – чтобы во время обеда стол освещал прямой солнечный свет. Я купил этот дом, и историю его постройки не знаю, слышал только, что ему лет пятьдесят – то есть дом на двадцать лет старше меня.

Искрились хрустальные бокалы с тонкой резьбой, дымилось на тарелках жаркое – отрадная домашняя картина. Дженни пришла на обед в зеленом платье и с саквояжем. Теперь я практически не сомневался, что в нем какой-то гостинец – если только девушка не решила носить все ценные вещи с собой, напуганная решетками на окнах и высокими заборами.

Зеленый шелк очень шел Гвиневере – яркий травяной цвет подчеркивал красоту мягких рыжих волос. На гладкой длинной шее на тонкой цепочке сверкал маленький зеленый камушек – размерами не больше булавочной головки. Фехтовальщики второй академической школы носят булавки с очень похожими по размеру и форме изумрудами. Если бы Дженни была русской, я подумал бы, что камень – память о погибшем отце или муже, но для американки он скорее всего служил обычным украшением.

Я отодвинул для гостыи стул, и она присела, поставив саквояж в ногах. Заняв свое место, я разлил по бокалам красное вино из Абрау-Дюрсо. Встречать гостей надо не только самым лучшим, но и своим. Французские и итальянские вина – для других случаев.

– Рад видеть тебя в гостях! За благополучный перелет! Успехов тебе на нашей земле, хорошей работы и хорошего отдыха!

– Спасибо! – Дженни пригубила вино и потянулась к саквояжу, поставила его на колени – У меня есть сюрприз для тебя... Подарок.

Саквояж оказался запертым на миниатюрный замочек, с которым девушка возилась довольно долго. А когда она вытащила оттуда «сюрприз», я на мгновение потерял дар речи. Это был клинок. Простая, без затей, гарда, металлическая рукоять. Вот только и рукоять, и лезвие были очень необычного цвета. И то, как Дженни держала его, позволяло предположить, что шпага не бутафорская, а самая настоящая. Собственно, если бы это была игрушка, оформили бы ее совсем по-другому – обильно украсили позолотой, вставили какие-то камушки...

– Вот. Это тебе. От меня – и от отца. Шпагу выковали на его заводе.

Даже не притрагиваясь к оружию, я покачал головой.

– Такой дорогой подарок нельзя принимать. К тому же повесить его на стену – неправильно, а носить – неразумно. Не буду же я драться серебряным клинком?

– Почему нет? Он не слишком мягкий. Это не высокопробное серебро, а сплав – половина на половину. Из чистого серебра сделана только рукоять.

Я осторожно взял клинок в руки. Роскошное оружие. Мечта. Ничего лишнего, прекрасный баланс, и это тусклое, словно подернутое дымом лезвие – готовое сверкнуть чистотой серебра в любой момент...

– От всего сердца, – широко улыбнулась Дженни.

– Спасибо.

Я низко поклонился. Дженни подошла и чмокнула меня в щеку, от чего мне стало совсем неловко.

– Мне хотелось, чтобы отец подарил такой клинок и мне, – заявила девушка, присаживаясь. – Если не шпагу, то хотя бы кинжал. Но он сказал – баловство.

Для американца – возможно... Отец Гвиневеры – крупный фабрикант, да еще и занимается политикой, даже баллотировался в сенат от Демократической партии. Правда, выборы проиграл, но само намерение похвально. Обо всем этом Дженни писала в своем интернет-блоге. И, наверное, он обладает хорошим чувством вкуса и чутьем – подарок для русского дворянина он выбрал как нельзя лучше.

– Не всегда кинжал – баловство. Зависит от обстоятельств.

– Часто ли ваши женщины носят оружие? Я так и не поняла, изучая ваши законы и уложения. И могу ли я ходить с холодным оружием в вашей стране, будучи иностранкой?

– Можешь, если получишь разрешение, – ответил я, сделав шаг в сторону и несколько раз взмахнув клинком. В руке он сидел прекрасно – и драться им, наверное, было удобно. Но носить серебряный клинок, даже если ты прекрасный фехтовальщик, – слишком самонадеянно. Разве только в торжественных случаях, по большим праздникам. Или нет? С каждой минутой шпага нравилась мне все больше.

– Для иностранцев, наверное, процедура сложная?

– Не то чтобы сложная, но какое-то время займет. А если ты получишь российское гражданство, то можешь носить оружие где угодно и когда угодно. У нас равноправие. Но все же женщины редко носят оружие – не принято. Это оскорбительно для их мужчин – значит они не могут защитить даму. А наши женщины не имеют привычки оскорблять мужчин. Впрочем, короткий нож в сумке – не в счет. Его имеют при себе многие. Но, поверь, вряд ли тебе что-то угрожает и у меня в гостях, и в России вообще.

– Оскорблять мужчин опасно?

– Просто нехорошо. – Я засмеялся. – Ведь мы не оскорбляем женщин. У них – свой мир. Точнее, свои интересы. Словом, есть устойчивая культура отношений... Ты, я смотрю, сильно интересуешься не только положением жителей и их взаимоотношениями с гражданами, но и женским вопросом? Тебя волнует положение прекрасного пола в стране, где каждый гражданин не расстается с оружием?

Конечно, Гвиневера как социолог, специализирующийся на обществе Российской империи, читала законодательные акты нашего правительства. Если мужчина мог считаться гражданином с двадцати одного года – при условии, что брал на себя обязательства по защите Родины и службе интересам России, – то с женщинами положение было немного сложнее. Защищать страну с оружием в руках закон им не предписывал, поэтому получение гражданства казалось несколько более запутанным.

Гражданкой автоматически считалась любая девушка, получившая высшее образование и отработавшая два года в сфере государственной службы. Естественно, под госслужащими понимались не только чиновники, но и работники промышленных и сельскохозяйственных предприятий, торговых организаций – всех учреждений, официально занесенных в государственный реестр и приносящих пользу обществу. Также гражданство получали женщины, имевшие полное среднее образование, стаж не менее трех лет и которые при этом принесли присягу государству – понятно, что все выпускники высших учебных заведений принимали присягу еще на третьем курсе. Кроме того, статус гражданки получала жена гражданина, воспитывающая не менее двух детей и принявшая присягу, и, наконец, женщина без специального образования, отработавшая на благо страны не менее десяти лет, если она подала ходатайство и его поддержала управа района, в котором она проживала.

– Мне непонятно, почему мужчинам гражданство достается просто так, по возрасту, если они взяли в руки оружие, а женщины вынуждены учиться, подавать какие-то заявления, – отламывая кусочек хлеба и макая его в соус, заявила Гвиневера. – Почему у мужчин нет образовательного ценза – только обязанность отслужить в армии?

– Как это нет образовательного ценза? – удивился я. – Непременно есть. Необразованного человека, провалившего экзамены кандидата, просто не возьмут в армию – не только на офицерскую должность, но даже на вспомогательную службу. Дураки войскам не нужны. А если солдат не образован, но смышлен, в армии его научат тому, что необходимо. Не все выдерживают обучение и экзамены даже на звание рядового – для них дорога дальше закрыта, они становятся жителями и могут попытаться счастья на трудовой ниве – хорошие купцы и ремесленники нужны стране. Большинство юношей купеческого сословия не идут в армию и получают гражданство позже – когда докажут свою пользу для страны делами. И, согласись, служба в армии опасна и трудна. Поэтому если преимущество в получении гражданства есть у кого-то, так это у женщин. Не служившим мужчинам купеческого сословия получить его дороже и сложнее.

– А женщины служат в армии?

– В виде исключения в некоторых частях. У нас все получают равные возможности, хотя требования к представителям разных полов разные. Не совсем правильно, но тут как посмотреть... Скажем, если женщина родила ребенка – все ясно. А если она не хочет этого делать? Почему не должна служить в армии, будучи гражданкой? Но ведь она может быть больна, не

способна к деторождению. И к службе в армии тоже. Разные нюансы рассматривает специальная государственная комиссия.

– А купцы? Выходит, они не носят оружие?

– Нет, у них есть оружие – но, как правило, оборонительное. Сделанное по другим стандартам. Не в их обычаях участвовать в дуэлях. Хотя случается всякое. Сейчас грани между сословиями практически стерлись. Гражданин может быть и купцом, и землепашцем, и рабочим. А совершеннолетняя женщина имеет право носить при себе короткий клинок, даже если она не гражданка.

– Почему бы не разрешить женщинам обороняться при помощи пистолетов? Физически мужчины гораздо сильнее женщин.

– Пистолет – оружие трусов, – почти автоматически проговорил я, наполняя бокалы. – Огнестрельное оружие может быть использовано только на войне. Или санитарями. Даже полицейские стараются его не применять.

– А бандиты?

– Бандиты, да еще и вооруженные огнестрельным оружием, – вне закона. Ими занимаются санитары. В исключительных случаях – армия. Впрочем, пуля не всегда дает преимущество. Главное – воля и решимость победить.

Я пригубил вино, так похожее на кровь, и вспомнил один из дней, когда я только начинал работать помощником шерифа...

* * *

Маленькая серебряная звезда сверкала на груди, и мне казалось, что каждый прохожий замечает ее – хотя обращал ли я прежде внимание на помощника шерифа, идущего по улицам? Не больше, чем на любого другого человека. Ну, может быть, взгляд останавливался на звезде на одно мгновение – так же, как и на заколке в виде золотой или серебряной розы, рубинового ромба, белого, желтого или зеленого листа, трилистника, красного или бахромчатого гладиолуса...¹

Даже с маленькой звездой я уже не просто гражданин – представитель закона. Я не могу пройти мимо валяющегося на улице пьяного, зажав нос, – мне нужно помочь ему или доставить в отделение полиции, если его поведение антиобщественно. Не могу снисходительно отнестись к опасным шалостям детей – иначе они поймут, что можно вести себя так, а там недалеко и до прямого нарушения закона. Я должен следить за благонаравием жителей, до которых прежде мне не было никакого дела – своих проблем хватало. И еще я могу отказаться от любой дуэли, на которую меня вызывают, – и это никоим образом не повредит моей репутации. Странное, в чем-то даже опасное ощущение... Но я, конечно, никогда не буду отказываться от дуэли.

Огромный револьвер, положенный мне по должности, я часто оставлял в сейфе. С детства нам втолковывали, что огнестрельное оружие – выдумка трусов, которую допустимо применять только против таких же трусов – если нет иной возможности. Честный клинок и дурапуля – любой достойный человек сделает выбор в пользу клинка. Пользоваться огнестрельным оружием – все равно что плескать противнику в лицо кислотой, бить его в спину или из-за угла.

В армии нам объяснили, что противостояние внешнему врагу требует применения винтовок, пушек, ракет. На войне не только можно, но и нужно прятаться за танковой броней, обрушивать на врага многопудовые снаряды корабельных орудий линкоров, утюжить землю залпами артиллерийских батарей. В том случае, если противник не желает вести честную войну.

¹ Все перечисленные знаки демонстрируют ранг мастера одной из известных фехтовальных школ, которых насчитывается в России около тридцати.

Мне повезло – я попал в пехоту, точнее, в мотострелковые части. Хотя я тяготел к естественным наукам, мне совсем не хотелось служить в танковых войсках, артиллерии или на подводном флоте. Пусть этим занимаются те, кто хочет посвятить армии всю жизнь. Мне достаточно научиться военному делу, отдать Родине свой долг. К тому же мотопехота воевала примерно так же, как и сто, и двести лет назад. Менялось оружие, модернизировалась тактика – но противостояние лицом к лицу с врагом никуда не делось. Служба в пехоте – это не сидение в глубокой шахте на стартовой позиции межконтинентальных баллистических ракет. Пусть каждая ракета, оснащенная ядерной боеголовкой, может нанести больший вред врагу, чем взвод, рота, а то и батальон мотопехоты, – если случится война, мне все же хотелось бы воевать с реальным врагом, а не вести огонь по квадратам.

После полугода службы в части нам вновь разрешили дуэли – но большинство вызовов, имевших место в первые месяцы службы, были аннулированы – негоже драться с боевыми товарищами из-за пустяков. А ссорились мы поначалу именно по мелочам. Молодые, неопытные, необстрелянные солдаты просто притирались друг к другу.

В армии меня научили драться с помощью автоматической винтовки Калашникова – АВК, стрелять из револьвера и пистолета. Мы легко управлялись с гранатометом и переносным зенитно-ракетным комплексом. Но носить револьвер «на гражданке», даже имея серебряную звезду на груди? Это казалось проявлением трусости. Поэтому я гордо шагал по городу – клинок еще не изменял мне, и я надеялся, что смогу призвать к порядку любого нарушителя, тем более что мастер любой фехтовальной школы, превосходящий меня искусством, никогда не станет совершать бесчестных поступков.

А вот жители – те, что официально отказались от обязанностей гражданина и тем самым не получили и многие права, – порой вели себя не слишком цивилизованно. Вот и сейчас в Нахичеванском районе, где жителей обитает гораздо больше, чем граждан, молодежь кучковалась по темным углам, шумела, поглядывала на прохожих. На меня, конечно, никто и глаз не смел поднять – шпага в ножнах, да еще и серебряная звезда на груди. Но попадетсЯ такой компании пьяный – могут ограбить или избить. Развлечения у молодых жителей бывают не слишком хороши.

На углу Театрального сквера, метрах в двухстах, раздался звон разбитого стекла, послышался крик, топот. Похоже, разбили витрину цветочного киоска. Пройти мимо вряд ли возможно, даже если бы я только что получил шпагу. А как помощник шерифа я должен был реагировать незамедлительно и со всех ног бросился к месту происшествия.

Торговец, пожилой армянин, скорчившись за витриной, зажимал руками разбитую голову. Пальцы его были в крови, черные волосы казались мокрыми. Дело оказалось серьезнее, чем можно было подумать сначала.

– Кто? Сколько? Куда побежали? – быстро спросил я.

– Четверо парней. Выручку забрали, – заикаясь, прошептал торговец.

Грабеж, да еще с телесными повреждениями... Хорошо, что я оказался рядом.

– Вызвали полицию? Телефон есть?

– Нет... Телефон есть. Я принимаю заказы. Принимал...

Аппарат нашелся под прилавком – я набрал «111», представился и назвал адрес. «Скорая» приедет через пять минут, полиция может среагировать и быстрее – если патруль где-то поблизости.

Но мне некогда было ждать патруля. Обнажив клинок, я помчался в глубь парка. Парочки, испуганные ватагой грабителей, при виде человека с обнаженным клинком пятились и бросались прочь – ничего хорошего картина не сулила.

На выходе из темной аллеи я едва не столкнулся с молодым человеком в распахнутом темном плаще – на его поясе висела шпага. Гражданин, которого редко можно встретить в этой части города в такое позднее время.

– Что-то произошло, шериф? Могу я быть полезным? – Он сразу заметил серебряную звезду на груди и предложил помощь – как сделали бы большинство граждан на его месте. А шерифом называл меня как представителя власти – то, что я только помощник и моя серебряная звезда меньше, чем у полновластного шерифа, сейчас значения не имело.

– Спасибо, сударь, дело не слишком серьезное. Четверо жителей ограбили цветочный киоск, ранили торговца. Я боюсь отвлечь вас от дел.

– Что вы, шериф. Я сделаю все, что потребуется.

– Тогда следуйте за мной.

Мы помчались рука об руку.

– Никита, – представился я на ходу.

– Андрей.

– Рад. Живете в этом районе?

– Нет. Приезжал в гости.

Скорее всего провожал девушку. Впрочем, какая разница? Молодой гражданин, как и я, недавно отслужил в армии, его помощь может мне пригодиться. Если мы, конечно, догоним негодяев.

Бежать пришлось недолго. Завернув за угол по главной аллее, мы увидели четырех парней, один из которых сжимал в руках большой букет роз – явно не купленный. Грабители не стали утруждать себя, решив, что раненый торговец за ними не погонится, а полиция не успеет среагировать быстро. Сейчас эта четверка брела по аллее – возможно, высматривая очередную жертву. Один сильно покачивался – был пьян. Да и остальные двигались не слишком твердо.

В дальнем конце аллеи разговаривали две девушки. Возможно, именно они вызвали интерес негодяев. Надо же куда-то деть украденные цветы? Попытаются познакомиться, не иначе.

– Наверное, они, – скорее для порядка сообщил я Андрею. Тот кивнул.

Парни выглядели уверенными в себе. Тот, что с цветами, – очень крупный, едва ли не на голову выше меня, хотя я в общем-то совсем не низок. Самый пьяный – щуплый, невысокий, но даже в разболтанных движениях читались агрессия и угроза. Именно так выглядят закоренелые уголовники – во время службы мне немного приходилось общаться с такой публикой. Остальные двое – просто крепкие молодые ребята. Стрижка короткая, плечи широкие. Одеты все в джинсы и пиджаки – типичные обитатели рабочих кварталов.

Двукратный перевес в численности нас несколько не смущал – мы были вооружены и умели обращаться с оружием. Проблема только в том, что хулиганы могут кинуться врассыпную – поймать всех будет тяжело. Мы не имеем права упустить никого из преступников – расплата за любое правонарушение должна быть скоро и неотвратима.

– Девчонки, таких цветов вам никто не дарил, – заплетающимся языком проговорил крупный парень с букетом – видно, лидер компании. – А мы подарим. Будете нас любить?

Девчонки шарахнулись в сторону, подонки кинулись следом.

– Стоять! – приказал я.

Девчонки испугались еще больше – даже кричать не стали, только бросились через кусты, не заботясь о целостности колготок и коротких юбочек. Парни удивленно обернулись. Все разом. Увиденное их, судя по всему, сильно удивило. Человек с шерифской звездой и обнаженным клинком мог быть очень опасным. В принципе, по закону, я мог безнаказанно убить их всех на месте – хотя ни один шериф в своем уме, конечно, не стал бы этого делать.

– Дворянчик, – сквозь зубы процедил пьяный худощавый тип. Когда он повернулся к нам лицом, я понял, что он лет на пять старше других. Может быть, даже старше меня. – Мочи дворянчиков!

Кровь бросилась в голову – что себе позволяет эта пакость? Мало того что он угрожал нам – он еще и пренебрежительно отозвался о всем дворянском сословии. Впрочем, уже несколько

лет сословные различия официально отменены Конституцией – есть граждане и жители, не важно, каков род их занятий, на статусе это не сказывается. Но это не значит, что дворянин, который преданно служит Родине, перестает чувствовать себя дворянином.

В руке худошавого появился какой-то короткий предмет. Самострел. Запрещенное оружие. Даже ношение его карается каторгой.

– Осторожно! – крикнул я Андрею.

Но тот заметил опасность в тот же момент, что и я. Повернувшись к бандиту боком, он все же бросился вперед.

Я не мог допустить, чтобы случайно привлеченный гражданин пострадал из-за моей нерасторопности. Мне нужно было опередить Андрея на несколько шагов. Поэтому я рванулся к вооруженному преступнику.

Тот перевел взгляд с Андрея на меня, вскинул руку и выстрелил. Боль обожгла бок – но я мог двигаться. Андрей ускорился – кто знает, может, у худого не просто самострел, а самый настоящий пистолет? И в нем несколько зарядов. Или самострелы есть еще у кого-то из компании самоубийц? Потому что стрелять на улице может только человек, подписавший себе приговор на каторжные работы. Стрелять в гражданина – потенциальный самоубийца. Стрелять в шерифа, полицейского, любое должностное лицо... Ну, не знаю – это уже случай клинический. Пожизненная каторга – единственный возможный исход подобных действий.

Парни тем временем поняли, что ничего хорошего им ждать не приходится. События развивались стремительно, и только один успел сообразить, что лучшее – просто попытаться убежать. Срок каторги меньше. Здоровяк хлестнул Андрея букетом. Точнее, попытался хлестнуть. Хороший фехтовальщик без труда ушел от удара и в движении всадил под ребро противнику несколько дюймов стали. Бил в легкое, чему учат во всех хороших фехтовальных школах. Убивать жителя совершенно ни к чему. Им займется полиция – зачем брать на себя грех, ответственность, обязанность судить?

Еще один парень взмахнул короткой дубинкой – видно, ею они ранили торговца. И где он только ее прятал? Под широким клетчатым пиджаком – такие сейчас вошли в моду у жителей?

Я тоже ушел от удара. Почти ушел – он пришелся вскользь по руке, вызвав вспышку боли в раненом боку. Ударил шпагой в руку с дубинкой, обезоруживая противника. Мог промахнуться и тогда получил бы по голове. Но попал. Повернулся к бандиту с самострелом, хлестнул его клинком по лицу. Тот свалился на землю, зажимая глубокий порез. Андрей погнался за четвертым членом шайки, но я остановил его:

– Постережем этих. Они сдадут дружка. А еще лучше – найди телефон, вызови полицию...

– Рации нет?

– Нет.

Голова кружилась. Рубашка пропиталась кровью. На дальних аллеях кричали: «Полицию! Полицию! Шерифа ранили!» Какие-то люди спешили к нам по темному парку. Я не выпускал клинок из рук, но это были не дружки бандитов – простые жители, которые хотели жить в мире и порядке. В отдалении завывала какая-то женщина – не иначе, родственница одного из бандитов, которому светила каторга минимум на семь лет – за ограбление киоска, за участие в вооруженном сопротивлении шерифу, за недонесение о незаконном хранении огнестрельного оружия жителем – если удастся доказать, что сообщники знали о самостреле.

Открытый «Руссо-Балт» полиции приехал через четыре минуты. К тому времени с меня успели снять рубашку. Рана оказалась не слишком страшной – картечь задела вскользь, только что крови много... Кровотечение я пытался остановить собственной рубашкой – от не очень чистого платка, предложенного кем-то из жителей, пришлось отказаться, перевязочных материалов у прохожих не нашлось. Андрей, фамилия которого оказалась Дорофеев, поехал с нами

давать показания, санитары забрали раненых – теперь с ними будут работать полицейские дознаватели.

Если бы я был в бронежилете и с револьвером – мы обошлись бы гораздо меньшей кровью... Однако хорошо, что хорошо кончается.

Дженни доела последний кусочек жаркого, взяла в руки бокал, посмотрела на меня сквозь вишневую жидкость.

– О чем задумался?

– Вспомнил, как меня ранили, уже после армии. Когда я был шерифом. И как я первый раз встретился с надежным другом.

Солнце вышло из-за облака, ярко сверкнуло в хрустале. Свежий ветер порывом ворвался в открытое окно – запахло зеленью и цветами, надвигающейся грозой. Вечером может пойти дождь. Скорее всего пойдет – на горизонте клубились черные тучи.

– Твой противник был хорошим фехтовальщиком? – спросила Дженни.

– Нет, шерифов не вызывают на дуэль. Если шериф или его помощник ведет себя неподобающим образом, его быстро смещают с должности.

– А потом?

– Как правило, убивают, – без лишних церемоний объяснил я. – Ведь он успел насолить многим. Недостойный человек мешает тем, кто с ним встречается, а недостойный человек не на своем месте противен всем.

Лицо Дженни вытянулось.

– Поэтому шерифы и их помощники, как правило, ведут себя более чем подобающим образом, – добавил я. – Мало того что их отбирают специально для этой работы – они понимают, какая ответственность лежит на них. И представляют последствия своих действий.

– Тогда кто на тебя напал? Бандит? Он хорошо дрался?

– Не знаю, как он дрался, – в меня он выстрелил.

– Где он взял оружие?

– Смастерил сам, наверное. У него был самострел, а не настоящий пистолет. Набитая порохом стальная трубка с картечью.

– И что с этим типом случилось потом? Где он сейчас?

– Понятия не имею. Может быть, умер. Скорее всего – на каторге. У нас нет смертной казни, но за нападение на представителя власти, да еще с огнестрельным оружием, наказание может быть только одно – пожизненные каторжные работы. Я выступил на суде и после этого никогда не наводил справки о нем. Зачем?

Дженни помрачнела и кивнула. Я не видел в наших законах ничего печального. Скольких людей мог бы погубить тот бандит? Сколько жизней поломать? Сейчас он под пристальным присмотром, трудится на благо общества. Если будет вести себя пристойно, в его содержании могут появиться поблажки. Но на свободу он уже не выйдет никогда. Слишком велик риск.

– Ты не держишь на него зла?

– Как можно обижаться на собаку, которая тебя укусила? Если она бешеная – ее нужно усыпить. Если у нее плохой характер – изолировать и заставить служить там, где ее злобность пойдет на пользу людям. Этот человек выпал из общества, когда решил применить запрещенное оружие. Он сам поставил себя вне закона.

– Права на ошибку нет ни у кого?

– За все ошибки надо платить.

– Понятно. Мне надо позвонить домой. – Дженни достала из сумочки мобильный телефон.

Я протянул ей трубку домашнего:

– Тариф проводных сетей гораздо дешевле. К тому же не надо тратить на роуминг.

- А компьютером твоим можно воспользоваться?
- Конечно. Пойдем, я покажу, где он стоит.

Гроза прокатилась над городом в шесть вечера – как раз тогда, когда возвращались с работы многочисленные служащие. Мало кто взял с собой зонты, да они и не помогли бы против такого ливня. Пешеходы шли по колено в пузырящейся под мощными струями дождя воде, велосипедисты были мокрыми с головы до ног – вода летела из-под колес автомобилей, обдавая и тех велосипедистов, что пытались укрыться под легкими тентами, закрепленными над трехколесными машинами.

Мы с Дженни пили чай на балконе. Отсюда можно было видеть кусочек Железнодорожного проспекта и нашу улицу, по которой спешили редкие прохожие. Изредка проезжали автомобили – очень медленно, чтобы не влететь в какую-то яму на дороге и не обрызгать прохожих. Тщетно... Вода шла по улице рекой.

Было так приятно сидеть на свежем воздухе, полностью защищенными от буйства стихии, с дымящейся чашкой ароматного чая, и говорить о пустяках. Дождь колотил по козырьку над балконом, с шумом сбегал по водосточной трубе, шуршал в листьях черешни и ореха.

– Почти как у нас, – тихо сказала Дженни. – Такой же дождь. Такие же деревья. В детстве мне нравилось смотреть на дождь из окна. Хотя гулять в дождь меня никогда не выпускали...

– Да, когда становишься взрослым, дождь чаще всего – просто досадная помеха. Его не замечаешь или стараешься не замечать. И совсем редко удается им наслаждаться.

– А давай побродим по улице? У тебя есть пара зонтов?

– Есть, конечно. Но ливень стихает. Он вот-вот закончится – мы с тобой будем глупо выглядеть. И ноги промочим.

– Мне бы хотелось посмотреть на быт ваших жителей. Взглянуть на какой-нибудь «спальный» квартал, где обитают бедняки.

Не то чтобы мне сильно не понравилось предложение Дженни. Но оно меня слегка огорчило. Зачем начинать знакомство со страной и городом не с самого лучшего района? Невольно начнешь верить в то, что американцы, несмотря на все уверения в дружбе и желании сотрудничать, ведут против России «холодную войну». Их газеты и телевидение показывают наших граждан необузданными вооруженными дикарями, а жителей – забытыми, жалкими людьми, которые боятся подать голос и существуют если не на положении рабов, то очень безрадостно и без всяких светлых перспектив...

– Может быть, мы лучше съездим в центр города? Сходим в ресторан или в танцевальный клуб. Просто погуляем по Большой Садовой – там красиво вечером.

Дженни лукаво улыбнулась.

– Никита, ты собрался за мной ухаживать? Сам ведь предлагал деловой визит – а теперь говоришь о прогулках под луной, танцах.

– В жизни ты оказалась еще симпатичнее и обаятельнее, чем при виртуальном общении, – улыбнулся в ответ я. – Впрочем, мне хотелось сделать приятное тебе. Сама ведь писала, что любишь танцевать. А стоит ли работать с первого же дня?

– Конечно, стоит.

В общем-то девушка действительно права. Готовясь к ее приезду, я составил для нас довольно насыщенную программу. Постарался продумать, чтобы Дженни провела свой отпуск с максимальной пользой и удовольствием. Например, в субботу вечером, в День взятия Константинополя, состоится торжественный прием, на который я приглашен. Будут танцы, поэтому еще перед приездом я объяснил Гвиневере, что мы пойдем на бал. Но там ей придется не только танцевать. Каждый захочет поговорить с ней об Америке – и о России. А что она скажет, если видела наш город только из окна автомобиля? За столиком ресторана тоже впечатление о стране не составишь.

– Хорошо, дождь стихнет – отправимся на прогулку в самые глухие трущобы. В паре километров отсюда, за железной дорогой, начинается рабочий квартал. На автомобиле ехать не стоит – если мы не хотим привлекать к себе много внимания. Ты пройдешь два километра?

– Да хоть десять.

– Тогда я поищу в кладовой резиновые сапоги. Думаю, у меня найдется нужный размер.

– Откуда же? – заинтересовалась Дженни. – Бывшая жена оставила?

– Нет, я покупал для Нины – она, кроме того, что занималась домашним хозяйством и кухней, работала в саду. Потом я нанял приходящего садовника.

– Ладно, пойду в сапогах с чужого плеча, – засмеялась Дженни.

– Она их и не надевала никогда, по-моему, – поспешил успокоить я американку. У русских надеть чужую вещь – в порядке вещей, девушки вообще часто меняются нарядами. А американцы, наверное, относятся к одежде трепетнее.

Тучи все еще закрывали горизонт на севере – но на западе сверкало солнце, а на востоке в небе стоял яркий мост радуги. Я не испытывал иллюзий относительно того, что если мы поспешим – то войдем под него. Но радуга была красивой.

Частные дома быстро закончились. Широкий луг с футбольным полем, лесополоса, железная дорога, еще одна лесополоса – и перед нами выросли красные кубы четырехэтажных кирпичных домов. Крыты некоторые из них были черепицей, другие – шифером, стены кое-где потрескались. Не слишком привлекательное зрелище, но есть в наших городах и такие кварталы. Жилье здесь дешево, да и условия сносные – не считая того, что в большинстве домов нет горячей воды. Некоторые хозяева ставят газовые колонки и водонагревательные баки – если хотят жить с комфортом, другие греют воду в ведрах на плите.

Над домами возвышались мощные тополя, некоторые из них – сухие. Район был старый, деревья уже пора было выпиливать и сажать новые.

В другое время мы бы увидели много жителей, собравшихся за низкими деревянными столиками во дворах. Шерифом я бывал в этом районе часто и знал нравы местных – они любили посудачить, покурить, поиграть в домино, лото и карты, распить вскладчину трехлитровую банку или хотя бы бутылочку самогона, который гнали их же соседи. Сейчас все попратались по домам. Во дворах стояла вода, с деревьев еще капало.

Дженни шлепала по лужам в немного великоватых сапогах и красной болоньевой куртке. Я тоже надел сапоги и черный плащ, которым прикрыв клинок.

Из подъезда первого же дома, мимо которого мы прошли – дверь его была распахнута настежь, – на нас с интересом взглянули двое парней. Глаза у них были осоловелыми, они что-то курили. Вполне возможно, что и не табак. По всей видимости, их смутил мой плащ – такая одежда была не в моде в рабочих кварталах.

По шерифской привычке я уже хотел подойти к молодым людям и потребовать отчета – чем они затягиваются? Да еще и в общественном месте, которым, несомненно, является подъезд. Я вполне мог бы сделать это и без шерифской звезды: право и обязанность любого гражданина – соблюдать порядок и следить за его соблюдением. Но мы ведь пришли посмотреть на людей, а не наводить здесь порядок.

Из следующего подъезда вывалился, едва не задев нас, пьяный. Не найдя опоры, он рухнул в лужу и начал ругаться так грязно и громко, что Дженни, вряд ли понимавшая половину слов из его лексикона, покраснела. Но я опять не сделал грубияну внушений – не даром ведь мы шли сюда пешком и пытались сохранить инкогнито?

– Дождь, – объяснил я девушке. – Им было нечем заняться, вот они и надрались.

– То есть напились?

– Да.

– Просто посмотреть телевизор они не могли?

– Не у каждого есть телевизор. Может быть, их не устраивала программа передач.

Еще пару дворов мы прошли без приключений. Когда огибали особенно большую и глубокую лужу, я оглянулся – и увидел смотрящего вслед нам человека, стоящего в темном провале подъезда с выбитыми дверями. Он явно не был местным – не тот покрой одежды, не та осанка. Выражения лица я не смог рассмотреть – но явно не празднующийся пьяница.

Наверное, по моему лицу все же промелькнула тень, потому что Дженни, внимательно посмотрев на меня, робко спросила:

– Здесь опасно?

– Опасно? В каком смысле?

– Ну, как у нас в Гарлеме, скажем. Где на белого могут напасть из-за цвета кожи. У нас – белые и афроамериканцы, у вас – граждане и жители...

– Нет, в своей стране гражданину ничего нигде не грозит, – ответил я. – В этом районе может произойти какой-то неприятный инцидент – но о прямой угрозе жизни или здоровью речи не идет. Мы ведь в городе, где работают полицейское управление и служба шерифа, а люди приучены соблюдать законы – во всяком случае, их основополагающие пункты.

– И по этим законам можно курить марихуану?

– Прямого запрета на курение нет. Продавать коноплю нельзя, а сорвать несколько листиков и свернуть из них сигарку... Такой случай законом не предусматривается. Точнее, наказания за него не последует, если ты после этого ведешь себя прилично. У нас свободная страна.

Дженни усмехнулась.

Мы слонялись по дворам с полчаса. Я начал сомневаться, что мы увидим нечто интересное, и перестал понимать, что все-таки хочет узнать Дженни: с людьми она не заговаривала – да и не с кем было говорить, – в квартиры не стучалась. Но тут мы наткнулись на компанию ребятшек, пускавших деревянные щепки в большой луже. Три мальчика лет десяти-двенадцати и девочка примерно того же возраста.

Дженни вынула из сумочки горсть конфет – американских, привезла с собой, – и протянула их ребятам. Те недоверчиво посмотрели на неожиданно щедрую тетю, но угощение взяли, захрустели карамелью. А девушка завела с ними нехитрую беседу о том, кем они хотят стать, когда вырастут. Даже умудрилась не соврать, зачем ей это нужно: сказала, что пытается выяснить, хорошо ли живется детям у нас в стране, чем они занимаются в свободное время, как учатся в школе. Малыши прониклись гордостью от осознания того факта, что их дела кому-то интересны, и начали заливаться соловьями.

Самый старший мальчик, Дима, высокий и темноволосый, рассказал, что живет один с мамой, которая получает пособие.

– Я вырасту, поучусь еще немного в школе – и пойду в локомотивное депо чинить тепловозы. Маме помогать надо, ей тяжело нас с Машей поднимать. – Маша, – как оказалось, его сестра, девочка, совершенно на Диму не похожая, – согласно закивала. – А потом выучусь на машиниста и буду по всей стране ездить. Платят хорошо, интересно.

– В армии ты служить не хочешь? – спросила Дженни, мягко подталкивая его к вопросу о получении гражданства самым коротким путем.

– Нет, мне семью кормить надо, – солидно ответил мальчик. – А на войне убить могут. Так мама говорит. Еще там долго служить вдали от дома. И экзамены можно не сдать.

– Да. – Я кивнул. Молодой прагматик меня позабавил – в таком возрасте, как правило, еще не рассуждают о тяготах армейских будней.

– А вы служили в армии, дядя? – обратился ко мне светловолосый малыш Ваня. – Вот у вас и меч на боку...

Глазастый мальчуган сразу заметил клинок, который я прикрывал плащом от посторонних взглядов.

– Служил. Это действительно сложно и опасно. А клинок у меня не потому, что я должен им воевать, а потому, что человек, который становится гражданином, должен всегда отвечать за свои слова.

– Я хочу быть гражданином, – солидно заявил Ваня. – Буду драться на дуэлях и убивать тех, кто обидел меня или моих друзей. Вот только папа не покупает мне шпагу. У него самого нет, и он говорит, что она мне не нужна.

– Гражданин, – фыркнул кареглазый Костя – как мне показалось, самый хитрый из всех детей. – Если у тебя папка – житель, то нечего и мечтать. Будешь хлеб печь.

– Не буду! – возмутился Ваня.

– Будешь. Или пристукнут тебя на первой же дуэли. Вон у Митьки Абросимова брат пошел в армию – и все.

– Что – все? – вздрогнула Дженни.

– Похоронили, – мрачно объявил мальчик. – Даже тело домой не привезли – прислали похоронку, и пенсию семье назначили маленькую, временную.

Последние слова он явно повторял со слов взрослых. А ситуация – жизненная. Погиб на учениях или убит на дуэли – кто его знает, этого Абросимова, может, был задирой, с плохим характером, – а драться не умел, все же в рабочем квартале редко встретишь хорошего фехтовальщика – вот и нарвался. А поскольку служил он мало и полноправным гражданином стать не успел, пенсию семье дали только на время. Сообразно с внесенным в общественное развитие вкладом. Если бы он участвовал в боевых действиях – дело другое. Но никто необстрелянных ребят в бой не посылает.

– Вот, – торжественно и немного злорадно сказала Дженни, когда мы отошли от мальчишек. – А ты говоришь, что система гражданства – не наследственная. Каждый из этих мальчиков может стать гражданином, только пройдя сложные, порой смертельные испытания. Уверена, сыну любого дворянина получить гражданство гораздо легче.

– Сыну гражданина, – поправил я девушку. – Сейчас не принято называть сословие, из которого произошел. Да, сыну или дочери граждан легче – отчасти. Они видят цель и уверены в своих силах. Но разве не так в любом деле? Кому проще получить высшее образование – ребенку, у которого отец и мать инженеры, учителя, врачи, или сыну уборщицы? Кому легче устроиться в жизни – ребенку из богатой семьи или воспитаннику детдома? У детдомовца тоже есть все шансы – но ему будет не в пример тяжелее.

– Демократия и всеобщее избирательное право – основа свобод граждан, – изрекла девушка.

– Полная свобода ведет к вседозволенности, – парировал я. – Наше общественное устройство кажется мне вполне справедливым. По крайней мере уровень преступности у нас в три раза ниже, чем в Америке.

– А уровень смертности молодых людей – в два раза выше. Не слишком ли высокая цена?

– За все надо платить. Во всяком случае, мы не боимся ходить по улицам в любое время дня и ночи.

– Не расставаясь с клинком, – довольно ядовито заявила Дженни.

– Но и ты ведь не ходишь по улице с завязанными глазами или скованными руками.

– Интересное у вас понятие о свободе...

– Свобода – это защищенность.

– Нет, свобода – это уважение себя и других.

– Тоже верно. Только люди еще не достигли таких высот развития, чтобы действовать не по принуждению. И в России, и в Америке.

Темнело. Во дворах зажглись редкие фонари – зачастую просто лампочки, вкрученные в пластиковые патроны. Иногда они были защищены металлическими сетками или толстым стеклянным колпаком. И прежде безлюдные дворы опустели полностью.

– Пойдем домой? – спросил я у Дженни.

– Боишься гулять в бедных районах ночью? – начала подначивать меня девушка.

– Я уже не в том возрасте, чтобы вестись «на слабо». Знаешь, что это означает?

– Примерно догадалась.

– Так вот, если тебе это доставит удовольствие – будем бродить здесь хоть до полуночи, хоть до утра. Но, по-моему, ты устала. Да и нечего нам здесь больше делать.

– Ладно, пойдем.

Мы свернули в проулок – я решил выйти на проспект и поймать такси. Возвращаться пешком было долго и утомительно. Между двумя пятиэтажными домами стояла компания молодежи – человек восемь. Стоят – и стоят. Может быть, Дженни и думает, что жители бедных районов – дикие звери, которых опасаются благовоспитанные граждане. Я-то прекрасно знаю, что, как правило, даже пьяные компании и обкуренные подростки безопасны. Максимум, на что они могут решиться, – это пристать к вам с какими-то мутными излияниями. Граждане образованны, и некоторые жители почему-то считают, что они должны просвещать их по мере сил. Отчасти верно, только вспоминают они об этом только во хмелю – и вопросы, которые их интересуют, очень далеки от реальности.

Своих, таких же жителей, слишком бойкая компания может ограбить, припугнуть, задеть или пнуть. Но до тяжелых телесных повреждений дело доходит редко, а убийств практически не случается.

Меня удивило, когда молодые люди словно по команде обернулись к нам. В их руках заметил палки и обрезки чугунных труб – ребята не стали бы так основательно вооружаться, будь у них на уме что-то мирное и хорошее.

– Вот они, – срывающимся дискантом закричал один из парней. Даже по его голосу я понял, что он накачан наркотиками – скорее всего стимуляторами. Палкой своей он взмахнул так быстро и решительно, что мне стало слегка не по себе.

Толпа сорвалась с места и бросилась к нам. Лица парней были перекошены злобой, палки и обрезки труб мелькали в воздухе.

Рассуждать и анализировать было некогда – в нашем распоряжении оставалась какая-то пара секунд. Будь я один – возможно, я встретил бы разъяренную толпу клинком. Но не обязательно: все же семь человек – слишком много, особенно если они имеют возможность окружить тебя со всех сторон. А уж здоровьем и честью девушки я не мог рисковать в любом случае. Если эти люди ждали нас, то вполне могут убить – несмотря на все кары, что последуют за этим. Странно и необычно.

Я схватил Дженни за руку и рванул назад. Нам сейчас требуется уйти с открытого места. Убежать надеяться не стоит – мы хуже знаем местность, да и не готовились к игре в догонялки. Значит, нужно занять оборону в каком-нибудь тупичке или подъезде – и продержаться там некоторое время. До тех пор, пока ситуация не повернется в нашу пользу. Резиновые сапоги едва не падали с Гвиневеры.

Вот и темный зев открытой двери в подъезд. Я втащил Дженни туда, спотыкаясь, начал подниматься по узкой лестнице – девушка упала, но я рывком поставил ее на ноги, потащил дальше. Вверху, на третьем и четвертом этаже, в подъезде горел свет. Он был мне нужен – драться в темноте с толпой негодяев, вооруженных дубинками, – занятие заведомо проигрышное. Затопчут.

Мы поднялись на верхнюю площадку. Там я занял оборонительную позицию. Бледная Дженни притихла за моей спиной и только тяжело дышала. Постучать в какую-нибудь из квартир и попросить вызвать полицию она просто боялась – решила, видимо, что весь мир против нас. А посоветовать ей сделать это мне не позволяло воспитание: во-первых, она бы испугалась, решив, что я не владею ситуацией, во-вторых, мы как-то не привыкли просить помощи у женщин. Особенно если помощь заключается в том, что нужно позвать на помощь.

И полицейские, и служба шерифа не то чтобы могли обо мне плохо подумать – тем более со мной дама... Но все же звать кого-то не хотелось. Поэтому я нащупал в кармане мобильный телефон, но кнопку экстренного вызова спасательных служб пока не нажимал.

Наши преследователи добрались до площадки маршем ниже и сгрудились на ней, не решаясь преодолеть последние девять ступенек. Никто не хотел идти первым – а всей толпой по лестнице не побежишь. Максимум здесь могут пройти рядом два человека. Таких двух смельчаков среди банды одурманенного наркотиками сброда не находилось.

– Назад! – приказал я. – Быстро расходитесь по домам – и отделаетесь минимальным наказанием.

Конечно, я не стал лгать этому отребью. Просто забыть об их выходке любой гражданин не имел права – любое антиобщественное поведение жителей должно расследоваться и пресекаться. Поэтому я упомянул о наказании, что не могло их обрадовать. Даже если человека воспитывают в постоянном подчинении, рано или поздно он может сорваться с катушек. Мои слова подзадорили какого-то паренька.

– Все равно пропадать! – заорал он, перехватил поудобнее обрезок чугунной трубы и ринулся вверх.

Выпад, укол, труба с грохотом покатила по ступеням, а парень с утробным стоном осел на пол. Я бил в корпус, стараясь не задеть жизненно важных органов, но надолго обездвижить противника глубокой болезненной раной.

Возмущенный и одновременно испуганный рев прокатился по сгрудившейся на нижней площадке толпе. Последовать примеру валявшегося у их ног парня негодяи пока не спешили.

Тут одна из трех дверей за моей спиной приоткрылась. Сразу возникший сквозняк принес запах грибного супа и дешевых духов. Визгливый женский голос запричитал:

– И что же вы здесь устроили, твари окаянные! Грохочут, орут, воют, в подъезде блюют! Вот я сейчас полицию вызову, вас всех в каторгу и упекут, алкоголиков проклятых!

Нельзя было оборачиваться. Но и не обернуться нельзя. Во-первых, неизвестно, кто еще живет с этой женщиной в квартире. Во-вторых, мегера, решившая, что в ее бедах виноват я, может и сама ударить первым попавшимся под руку предметом – например, сковородкой. Нельзя недооценивать возможностей слабой женщины...

Я повернулся вполоборота, краем глаза заметил тетку лет сорока в зеленом халате – в руке ее была не сковородка, но молоток для отбивания мяса – весьма грозное оружие. Дженни жала в угол.

– И шалаву какую-то с собой притащили, – продолжала надрывать тетка. – А ты чем перед собой машешь?

Тон ее постепенно понижался – жительница начала понимать, что в подъезде ее происходит вовсе не какая-то ординарная разборка. И разглядела настоящую шпагу в моей руке.

– Что же это такое делается? – завизжала она уже испуганно. – Что творится?

Снизу в это время раздался голос с очень странными интонациями – кто-то словно бы порывивал после каждого слова:

– Поднимайтесь наверх! Убейте их!

Мне очень не понравились интонации, совсем не понравился смысл высказывания – но не потому, что кто-то хотел убить нас, а от чего-то другого – сейчас мне некогда было думать об этом. И, самое главное, было неясно, кто науськивал обкуренную толпу. Раненый валялся на полу, шестеро мужчин топтались на площадке. Когда они бросились на нас, их было семеро. Откуда взялся восьмой – тот, что давал сейчас команды?

Уже не раздумывая, я нажал кнопку экстренного вызова на телефоне и прокричал в него:

– Гражданин Никита Волков. Чрезвычайная ситуация. Требуется помощь – нападение с применением недозволённых средств. Железнодорожный район. В каком-то из домов. Адрес,

гражданка! – Я резко обернулся к любопытствующей жительнице. Та прикрыла распахнувшийся от удивления рот рукой.

– Улица, дом! – неожиданно громко закричала на нее Дженни.

– Грибоедова. Двенадцать, – тихо произнесла гражданка. – Квартира двадцать четыре.

Шестеро мужчин с воем полезли вверх. Были они, по-моему, от страха. Но не лезть вверх не могли – что-то словно гнало их вперед. С такими штуками я прежде встречался. Но давно, еще в бытность шерифом...

– Грибоедова, двенадцать, – прокричал я в телефон и бросил его Дженни. Сам шагнул навстречу атакующим.

По большому счету, мне, наверное, не составило бы труда переколоть и порубить их всех. Но я уже начал догадываться – не все в данной ситуации ладно. Нападающие – не обычные антисоциальные элементы. А убивать шесть человек для того, чтобы обезопасить себя, когда есть другие пути разрешения ситуации, – не лучший выход.

В полицейском управлении, однако, будут шокированы. Чтобы помощник шерифа, пусть и бывший, звал кого-то на помощь в своем районе? Причем не тогда, когда вооруженная банда грабит банк или компания работяг устроила массовую драку, а из-за нападения на него самого. Пришлют, наверное, пять нарядов на патрульных автомобилях.

Сейчас мне не было стыдно – пасть жертвой чьих-то интриг я не собирался. Нападение наверняка связано с Дженни. Что это за интриги? Кто стоит за действиями парней? Я думал и не находил ответа. А первых два молодчика уже поднялись по лестнице на расстояние выпада.

Того мужчину, что был справа от меня, я ударил левой ногой в грудь, стараясь перекинуть через перила. Не получилось – он только согнулся и лег на них. Широко размахнувшись – после удара ногой я стоял к нападавшим вполборота, – я нанес удар гардой в ухо того парня, что был ближе к стене.

Я подпустил их слишком близко... Хотя первые два были выведены из строя, следующая пара наступала им на пятки. Один попытался схватить меня за руку, другой взмахнул дубинкой. Не достал, конечно, очень спешил – но после этого швырнул дубинку прямо мне в лицо. И попал... Темно-зеленая стена подъезда с облупившейся краской и клочками паутины на ней бросилась мне навстречу, но я сумел удержаться на ногах, сохранить равновесие и ясность мысли. Только кровь заливала глаз.

Сделав шаг назад, отступив на середину площадки, я сделал два быстрых укола. Последний удался не в полной мере, и раненый черноволосый юноша продолжал лезть на меня. Неожиданно вперед ступила Дженни, ударила его кулачком в лицо. Жесткий удар остановил слишком решительного бандита. А я едва успел перехватить Дженни и отстранить назад – только девушки впереди мне не хватало.

Оставшиеся два бандита, по-видимому, не чувствовали в себе сил продолжать борьбу. Да и выглядели они более хлипкими, чем их предшественники. Почти синхронно развернувшись, они бросились на улицу.

– Окаянные... Окаянные, – твердила женщина в красном халате. Появившийся из-за ее спины лысоватый мужичок с застывшим навеки на лице робким выражением смотрел на побойще широко распахнутыми глазами – и делал слабые попытки утащить супругу в квартиру, подальше от яростных людей.

Теперь бы броситься вниз, поймать этих двоих, выяснить, кто кричал им снизу... Только вряд ли командир всего этого отребья станет меня дожидаться. А догонять остальных убежавших – занятие бессмысленное. Лучше уж посторожить тех, с кем удалось справиться. Некоторые отделались легкими ранениями или были отправлены в нокаут и вполне могли скоро очухаться. Один уже пытался приподняться, ошарашенно глядя по сторонам, явно не понимая, что он здесь делает, и пытаясь скинуть с себя ногу пока еще не подававшего признаков жизни бандита.

– Лежать мордой вниз, – приказал я. – Попытка встать будет жестоко караться.

Возражать никто не посмел. Шевелившийся бандит предпочел замереть и не подавать признаков жизни.

В отдалении послышался вой сирены патрульного автомобиля. Прошла, наверное, только минута – а помощь уже спешит. Еще через минуту вой приблизился, в отдалении стало можно различить звук еще одной или двух сирен.

Кровь из рассеченной брови продолжала течь по лицу, заливала плащ. Дженни зачем-то рвала носовой платок – хотела сделать из него бинт? Или намеревалась нащипать корпии?

Я достал свой платок, протер лицо. Не хотелось бы зашивать рану... Вроде бы неглубокая. Сейчас кровь должна остановиться.

Женщина, которая все еще не закрыла дверь – а теперь ее дверь долго не закроется, полиция непременно станет опрашивать ее и мужа как свидетелей, – предложила:

– Зайдите к нам, гражданин! Умоетесь...

– Спасибо, не могу. Нужно стеречь этих.

– Зайдите вы, девушка! Я вам полотенце дам!

Я едва было не схватил Дженни за руку. Нельзя входить в непроверенную квартиру в такой ситуации – как знать, что может ожидать тебя там? Хотя нет, не захватят же ее в заложницы мирные граждане? А в дьявольское коварство нападавших, которые таким вот хитрым способом загоняли нас в этот подъезд, на этот этаж, я не верил. Да и супруги могли напасть раньше – эффект был бы несравнимо выше.

Первая полицейская машина, скрипнув тормозами, остановилась около дома. Загрохотали шаги. В соседний подъезд... И в наш тоже. Широкоплечий полицейский с густыми пшеничными усами перепрыгнул через валявшегося на площадке бандита, в три прыжка одолел лестницу. В одной руке он сжимал клинок, в другой – револьвер.

– Никита, что случилось?! Ты ранен?

Голос его был встревоженным, в глазах застыл вопрос. Это был мой старый знакомый – Артем Свиридов. Майор полиции, по доброй воле взявший в руки огнестрельное оружие... Мне действительно удалось напугать их. Или, во всяком случае, заставить беспокоиться.

– Со мной все в порядке, Артем. Что случилось – пока не понял. Напали всем скопом. По-моему, кто-то дал им приказ и подгонял потом снизу.

– Как выглядел главарь?

– Понятия не имею. Я его ни разу не увидел. Извини, что пришлось побеспокоить – но не хотелось сидеть здесь, как крысе в норе. Я не один – со мной гражданка Америки.

– Гражданка Америки? – В глазах Свиридова зажегся профессиональный интерес. Естественно, присутствие Гвиневеры – совершенно новая карта, меняющая весь расклад.

– Да. Она прилетела сегодня.

– И что вы здесь делали? – Артем спросил, потом потупился – вопрос, вообще говоря, был бестактным, хоть он и находился при исполнении.

– Гуляли, – коротко ответил я. – На нас напали на улице. В подъезде мы заняли оборону. Нападавших было семеро. Мне удалось взять только пятерых.

Еще одна машина остановилась около подъезда. На лестнице послышались шаги.

– Нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок? – Свиридов бессовестно цитировал Грибоедова, зная, что на это я не обижусь. А выжать из меня максимум информации он имел возможность только сейчас – один на один, как старый знакомый. При других полицейских чинах я, естественно, не скажу ничего, что может повредить моей репутации или репутации девушки. Конечно, я не скажу этого и Свиридову – но по крайней мере могу намекнуть, было ли в нашей прогулке что-то необычное, дали ли мы повод нападавшим вести себя так...

– Нам захотелось пойти именно сюда, – как можно мягче сказал я. – Поверь, если бы я знал, почему они решили напасть на нас, рассказал бы тебе. Особенно после того, как пришлось отрывать вас от дел.

– Вечер спокойный. – Артем щипнул себя за ус. – А тебе мы всегда рады помочь.

На лестнице появились санитары с винтовками – закинув оружие на плечо, они поднимали с земли раненых и тащили их в машины. Еще два офицера поднялись к нам на площадку.

– Господин Волков, вам нужна медицинская помощь? – поинтересовался молодой ротмистр – кажется, его фамилия была Федоренко, но я бы не поручился – с ним непосредственно работать не доводилось.

– Думаю, нет.

Оглянувшись, я увидел робко стоящую в углу Дженни с мокрым полотенцем в руках. Еще раз протер лицо – кровь остановилась, хотя болело сейчас сильнее, чем прежде. Боль стала ноющей.

– Вы намерены предъявить обвинения напавшим на вас жителям?

– А вы как думаете? – усмехнулся я. – Вы считаете, что между нами произошло недоразумение, о котором я предпочту забыть? Они напали на меня без повода – правда, возможно, у них были какие-то далекоидущие причины.

– Это решит суд, – холодно ответил ротмистр. Возможно, я ответил слишком резко, и он обиделся. – Вы желаете принять участие в расследовании происшествия лично?

– Нет, спасибо. Если вы не возражаете, мы отправимся домой. Нападение было неспровоцированным, сказать мне нечего. Кроме того, что я уже сообщил майору Свиридову.

Дженни вновь протянула мне полотенце, и я опять протер лицо. Все не так уж плохо. Никто не умер, не было стрельбы...

– Вы на машине? – спросил Артем.

– Нет.

– Отвезти вас?

– Не стоит, спасибо.

Мы и так оторвали от работы слишком многих людей – заставляя полицейских везти нас домой на служебной машине просто неприлично.

На улице Дженни тихо спросила:

– Они отпустили тебя, потому что ты служил в полиции?

– Нет, – вздохнул я. – Тем более в полиции мне служить не доводилось. Я работал помощником шерифа – это совсем другое ведомство и другой статус. Любого гражданина в данной ситуации отпустили бы без проблем – если ты имеешь в виду процесс дознания.

– Почему?

– Потому, что он всегда явится к следователю – когда возникнет необходимость. Я сказал все, что знал и что может им пригодиться. Теперь они будут допрашивать арестованных жителей.

– С применением спецсредств? – Дженни, похоже, боялась услышать ответ на свой вопрос.

– Зависит от обстоятельств. Детектор лжи, вообще говоря, могут применить. Если ты имеешь в виду пытки – то, конечно, нет. Они давно не практикуются, что бы ни сочиняли у вас в Америке.

– Насколько давно?

– Лет тридцать – точно.

Мы направились к автомобильной дороге – в сторону, противоположную той, откуда пришли. Уже в следующем дворе все было совершенно спокойно – никто не высовывался в окна, привлеченный звоном оружия и сиренами полицейских автомобилей, не закрывал плотнее двери и не старался сделать вид, что его нет дома. Из распахнутых окон лился свет, доноси-

лись запахи жареной картошки, тушеной капусты, борща... Играла музыка – один навязчивый пошлый мотивчик буквально преследовал нас. Видно, его транслировали по радио. А может быть, это был особенно любимый сейчас жителями шлягер. Как правило, в рабочих кварталах не слишком любят Моцарта или Вагнера. Но, опять же, чего только не слушают и не смотрят граждане, когда не боятся, что об этом узнают другие...

На магистрали, связывающей центр и Железнодорожный район, мы поймали такси за пять минут. Можно было вызвать его и по телефону, но я решил, что проще остановить машину, чем ждать, когда она прибудет.

Дженни притихла – устала и была потрясена. Мне тоже не очень нравилось, как начался первый день ее визита. Мои земляки проявили себя во всей красе... Просто нарочно не придумаешь – можно год бродить по разным трущобам и не найти никаких приключений, а тут – не успела приехать, и такой скандал.

Черноволосый водитель – грузин или дагестанец, словом, откуда-то с Кавказа, – молча крутил баранку. Только один раз искоса взглянул в зеркало заднего вида на мое разбитое лицо – но ничего не спросил. Главное, чтобы не запачкали кровью салон автомобиля. А чем занимаются граждане в свободное время – не его дело. Личная жизнь каждого неприкосновенна – пока она не входит в конфликт с интересами других.

Таксист довез нас до ворот – и снова не проявил лишнего любопытства, разглядывая дом или задавая вопросы. По счетчику я заплатил полтора рубля и отпустил машину. Дом был пуст – Нина приходила только днем, садовник тоже не имел привычки работать ночами.

Мы вошли в калитку – она проделана в главных воротах перед площадкой, куда можно загнать несколько автомобилей. Свой я ставил в гараж и оттуда же поднимался в дом, но ко мне могли приехать гости – да и вообще ходить каждый раз через гараж не станешь.

Сигнализация молчала – никто посторонний не пытался проникнуть на территорию после того, как отсюда ушла Нина.

– Домработница живет отдельно? – почему-то тихо спросила Дженни.

– Да. Но она приготовила ужин и завтрак – так что голодными мы не останемся.

– Не хочу есть...

– Я в общем-то тоже. Можно выпить по бокалу коньяку – если это не противоречит твоим принципам.

Дженни взглянула мне в глаза, лукаво улыбнулась.

– Не противоречит. Очень больно?

– Практически прошло. Сейчас зайду в ванную, продезинфицирую на всякий случай – и все будет просто отлично. Ведь мы победили! Если буду кричать, не обращай внимания. Услышишь звук падающего тела – сходи за нашатырем. Он в кухне.

Шутка получилась неудачной: девушка помрачнела и задумалась – видно, представляла, как будет искать нашатырь в шкафах на чужой кухне. Или вытаскивать меня из ванной.

– Может быть, тебе помочь? Вдруг случится болевой шок?

Я улыбнулся. Рассеченная бровь болит не так сильно, хотя ощущения приятными не назовешь.

– Не стоит волноваться, я справлюсь. Ты сама можешь умыться – минут через пятнадцать сядем за стол. Заодно новости посмотрим. Кстати, большая удача, что журналисты не пронюхали вовремя о происшествии. Полиция сработала очень оперативно. Будем надеяться, что эта жареная новость вообще не просочится в средства массовой информации.

– Можно еще один вопрос? – Дженни посмотрела на меня как-то преувеличенно внимательно.

– Да, конечно.

– Не обидишься?

– Нет.

– Там, на лестнице... Ты кричал им «мордой в пол» или что-то в этом роде... Считаешь, что жители ниже тебя?

Я чуть было не хмыкнул, но вовремя сдержался. Не хватало еще проявить невоспитанность здесь. Считал ли я жителей ниже себя? В определенном смысле – да. Потому что они не участвовали в общественном договоре на равных, как граждане, но выполняли его требования. Но объяснять это Дженни я не собирался – во всяком случае, сейчас.

Формально жители были такими же людьми, как и граждане, – только не имели права голосовать, занимать некоторые должности и платили налоги по другой схеме... Их показания в суде учитывались в том случае, если не противоречили показаниям гражданина – хотя тут случались прецеденты. Но право на личную неприкосновенность, свободу слова и вероисповедания они имели такое же, как и граждане.

– По-твоему, я должен был сказать им: «Не поднимайте лицо от пола, уважаемые? В противном случае я буду вынужден ударить вас по нему еще раз?»

– Речь не о том, как ты выразил свою мысль. Мне показалось, что ты относился к ним с презрением.

– А я должен относиться с уважением к толпе сумасшедших, которая бросается на меня, когда я иду по улице?

– Если бы это были граждане – ты бы разговаривал с ними по-другому. И дрался иначе.

– Граждане не нападают стаей.

– Ой ли?

– Я не говорю об исключительных случаях. Если бы на меня толпой кинулись дворяне, я бы отнесся к ним совершенно так же.

Сказав это, я отметил про себя, что солгал – пусть и ненамеренно, и не в фактическом плане, а в эмоциональном. Отношение все же было бы другим. Возможно, еще более яростным, но не таким презрительным. Я бы уважал врагов – хотя бы за то, что они умеют обращаться с оружием. И не пытался обезоружить – просто убивал бы, пока не убили меня. Дженни тонко уловила нюанс ситуации. Она проницательная девушка – поэтому мне было так интересно общаться с ней в Сети.

Сестру, чтобы скрыть смущение, пусть и от невольной лжи, я поцеловал бы, подругу – обнял. С Дженни мы были близки – но по-другому. Поэтому я просто улыбнулся ей и пошел умываться и переодеваться.

Хороший коньяк пах виноградом и, казалось, возвращал свет камина солнечными лучами. Я крепко сжимал пузатый бокал и с удовольствием глядел на Дженни – ее покрасневшее лицо освещали сполохи пламени, зеленые глаза горели колдовским огнем.

– В субботу – бал, – напомнил я. Мысль о предстоящем вечере доставляла мне удовольствие. – Уверен, ты затмишь всех. От кавалеров отбоя не будет.

– Каждый будет пытаться познакомиться? – фыркнула девушка.

– Почему пытаться? Ты ведь будешь со мной – поэтому они будут просить меня, чтобы я представил их тебе. И просить разрешения на танец. Хочешь – можешь танцевать с теми, кто тебе понравится. Не хочешь – только со мной.

– А тебе бы как хотелось?

Я на мгновение задумался.

– Ты приехала ко мне в гости, и любое твое желание – закон. Поэтому поступай так, как тебе нравится.

– И все же?

– Любой мужчина – собственник. Такова наша природа. Мы пытаемся получить все – и контролировать все. Независимо от того, нужно нам это или нет. Полагаю, так. Я ответил не очень обще?

Дженни улыбнулась, пригубив коньяк.

– Может быть, и очень... Но настаивать на более конкретном ответе я не стану. Пожалуй, не стоит представлять меня никому.

– Вообще никому?

– Да.

– А как же знакомства? Общение?

– Пообщаюсь в другой раз. А на балу буду только смотреть. К тому же я не слишком люблю танцевать.

– Хорошо. Как скажешь.

Перспектива ходить с интересной девушкой и отгонять от нее всех по поводу и без, подобно ревнивому мужу, меня не слишком вдохновляла. Но желание женщины – закон.

Тишину нарушал только треск дров в камине. Я не включил новости сразу, а сейчас было лень вставать. Дженни, похоже, тоже не горела желанием смотреть телевизор. Она задумчиво глядела на огонь, иногда переводила глаза на меня.

– Ты не думай, что у нас каждый день такое на улице творится, – зачем-то попытался оправдаться я.

– Это я во всем виновата, – совершенно неправильно поняла меня Дженни. – Потщила тебя в трущобы на ночь глядя. И ладно бы, у меня на самом деле имелся какой-то план. Просто хотела поглазеть. Вот и получила развлечение.

– Гражданин России может свободно перемещаться по своей стране – если он не нарушает границ частной собственности и охраняемые государством объекты. Поэтому мы можем ходить там, где нам нравится, в любое время суток. Ты ни в чем не виновата. Наоборот – виноват я, что не смог защитить тебя в полной мере. Что ты испытала кое-какие неудобства.

– Ты говоришь, как с кафедры. – Дженни произнесла это без раздражения – просто констатируя факт.

– Может быть, – кивнул я. – И в школах, и в специальных учебных заведениях, и в университетах очень много внимания уделяется воспитанию. В том числе и правовому. А того, кто не знает своих прав и не уважает чужих, учит жизнь. Порой весьма жестоко.

– Смертью?

– Бывает и так. Социально непригодный человек должен умереть, чтобы жили другие, – это правило естественного отбора.

Девушка откинулась на спинку кресла, подобрала под себя ноги. Взгляд ее стал задумчивым.

– Два континента – две системы жизненных ценностей, – вздохнула она. – И все-таки в Европе ведь нет дуэлей? А живут они не хуже вас.

– Но в космос первыми полетели мы. – Я не смог удержаться от констатации столь приятного для России факта.

– А атомное оружие есть и у Германии, и у Великобритании, и у Франции.

– И у Америки с Китаем. Но не обладание атомной бомбой делает страну могущественной. Мы сильны экономически.

– А уровень жизни выше в Америке.

– По вашим подсчетам...

Возражая, я все же не мог опровергнуть Дженни в полной мере. Слишком много налогов мы платим, слишком масштабные национальные проекты реализуются. И армию мы вынуждены содержать значительно большую, чем американцы, которых защищают океаны. К тому же у нас холоднее – тривиально, но никуда от этого факта не денешься. Дома приходится строить с

толстыми стенами и коммуникациями для обогрева, дороги разрушаются под действием перепадов температур, граждане вынуждены покупать теплую одежду... Расходы, расходы, расходы, которые покрывает только богатство земных недр. Но полезных ископаемых немало и в Соединенных Штатах.

– Пора спать, наверное. – Дженни улыбнулась мне так, что по спине пробежали мурашки. «Р» в слове «наверное» она опять произнесла по-английски, хотя днем разговаривала практически без акцента. – Что мы будем делать завтра с утра?

– Я хотел предложить тебе погулять по городу. Где-нибудь в центре. Потом – видно будет.

– Жаль, что бал еще не завтра. Его, ты говорил, устраивает глава управы? Это мэр города?

– Нет, глава одного из городских районов. Впрочем, он почти мэр. Район очень большой.

– Как его зовут?

– Константин Леонидович Щеглов. Очень достойный человек.

– Бал будет у него дома?

– Нет, в Доме офицеров. Он выступает организатором – мероприятие государственное, но кто-то ведь должен за него отвечать? Каждый раз поручать все заботы мэру неправильно. Главы районов, некоторые богатые промышленники по очереди организуют такие мероприятия, ищут источники дополнительного финансирования, чтобы все проходило по высшему разряду и не ограничилось только поздравлениями. Нужно нанять музыкантов, купить продукты, организовать обслуживание. А строить в каждом доме бальный зал – это чересчур. Для всех мероприятий вполне достаточно общественных помещений – их немало.

– Погулять по городу, когда на тебя не нападают, – это хорошо, – почти сонно протянула Дженни, поднимаясь с кресла. – Пойдем, проводишь меня до спальни.

– Боишься одна в большом доме? – улыбнулся я.

– Может быть, и боюсь...

Мы прошли по полутемному коридору, остановились у дубовой двери.

– Спокойной ночи, – шепнула девушка, приподнимаясь на цыпочки и целуя меня в щеку.

– Приятных снов. – Я слегка обнял ее. И когда отпустил, она отстранилась не сразу.

– Надеюсь, мне не приснятся кошмары... Звон клинков в полутемных подъездах... Но ты, наверное, все равно приснишься.

Гвиневера шагнула в комнату и закрыла дверь. Запирать засов она не стала, хотя я полагал, что после всех событий девушка будет вести себя в чужой стране осторожнее.

Нас утро встречает прохладой... После дождя на улице было очень свежо. Холодно стало и в комнате – я спал с открытым балконом и к утру сильно замерз. Вставать, чтобы закрыть дверь или взять еще одно одеяло, поленился. Вот она, долгая жизнь «на гражданке». Замерзнешь – ничего страшного... Успеешь отогреться. По звонку не вставать.

На кухне гремела кастрюлями Нина. Потом послышались голоса. Женщины обсуждали что-то, смеялись. Вряд ли к Нине зашел кто-то с улицы – значит Гвиневера проснулась. Как хозяину оставаться в постели было некрасиво.

Я рывком встал, надел джинсы и футболку – ходить в халате перед молодой девушкой неприлично, – заправил постель. Наскоро умывшись, спустился на кухню, стараясь не слишком топтать по лестнице.

Дженни была в каком-то восхитительном легком платьице – совсем не по погоде. Нина поила ее горячим какао. Они так увлеклись разговором, что моего появления в дверях даже не заметили.

– У Никиты я уже пять лет работаю, – отвечала на какой-то вопрос Дженни домработница. – Очень приличный человек. Никогда не насорит лишний раз, всегда «спасибо», «извините» да «будьте добры». В других семьях совсем не так бывает. И прямо на пол мусор бросают, и отношение не то...

– А вы его так и называете – Никита?

– Как же его еще называть? Его ведь Никита зовут... А то, что не по отчеству, так он сам просил – молодой еще. И он меня Ниной зовет.

– Но он ведь гражданин, а вы – жительница.

– Ну да... Что ж, девонька, мне в армии служить или в университете учиться? На государственную службу я тоже не хочу – так-то уютнее... Замуж удачно выскочить не получилось. Не вышла я за генерала – не предлагал ни один... А сейчас поздно уже.

– И вам никогда не хотелось быть гражданкой?

– Да мне и сейчас живется неплохо. Налоги меньше, жизнь проще. А что голосовать я не хожу – так выходной свободный.

Я покашлял, чтобы обозначить свое присутствие.

– Дженни, ты приехала вести подрывную работу среди лучших жителей нашей страны? Вот сейчас сагитируешь Нину, она завербуется в какую-нибудь партию нефтяников или дорожных строителей – и будет готовить борщи им, вместо того чтобы кормить меня. Куда это годится? Зато пройдет пять лет – и она гражданка. Только надо ли оно ей?

– Не надо, Никита, не надо, – засмеялась Нина.

Дженни неожиданно смутилась – будто бы я говорил всерьез и застал ее за каким-то неблагоприятным делом. Губы у нее задрожали.

– Эй, ты чего? – спросил я. – Что случилось?

Дженни только махнула рукой, а Нина тактично вышла в кладовую – впрочем, процесс приготовления завтрака был в самом разгаре, вполне возможно, что ей что-то понадобилось.

Я шагнул к девушке:

– Ты испугалась? Я чем-то тебя обидел?

– Да, – коротко ответила Гвиневера. – Видел бы ты себя со стороны... Глаза горят, страшный, и про подрывную работу. Я думала, ты меня зарубишь. Или сдашь в полицию.

На этот раз в недоумении застыл я. Конечно, с синяком на лице и рассеченной бровью, сразу после сна я вряд ли выглядел красавцем. Но неужели я перегнул палку и говорил слишком грубо?

Тут Дженни как-то совсем фамильярно и в то же время ласково потрепала меня по щеке – я опешил еще больше – и тихо сказала:

– Не только ты умеешь шутить, Никита.

– Ну хорошо, я рад, что ты не всерьез...

– А сейчас ты застал меня врасплох. Я и правда испугалась – но не потому, что разговаривала с Ниной о чем-то предосудительном. Просто твое появление было неожиданным – как в страшном сне, когда ты уверена, что одна, а кто-то выглядывает у тебя из-за плеча. Но иногда я правда тебя боюсь. Клинок на поясе и постоянная готовность пустить его в ход. Удивляюсь, что ты не ходишь по дому со шпагой.

– Зачем?

– Затем же, зачем и по улице. Вдруг кто-то нападет?

– У нас крепкие запоры...

– А если враги осадят дом?

– Внешние враги?

– Не поняла тебя.

– Враги, которые угрожают не только мне, но и моей стране?

– Ну, пусть будет так.

– На этот случай у меня под кроватью лежит автоматическая винтовка.

Дженни воззрилась на меня недоверчиво.

– Пойдем покажу!

– Серьезно?

– Почему нет? Ты допила какао?

– Да... А ты не будешь?

– Я никогда не завтракаю так рано. Пойдем.

Мы поднялись наверх, зашли в спальню. Дженни с интересом осмотрелась.

– Ты не ночевал дома?

– Почему? – удивился я.

– Постель не тронута...

Я улыбнулся.

– В армии меня приучили заправлять кровать сразу. Впрочем, я всегда делал это и до армии.

– Да, и еще кое-что...

– Что именно?

– Не важно.

– Ну, раз начала, говори.

– Нет, может быть, скажу потом. Так где твоя винтовка? Или ты привел меня сюда только показать спальню – раз уж не успел сделать этого вчера?

Я выдвинул из-под кровати закрепленный на специальных алюминиевых салазках стальной ящик – просто так не унесешь, даже если залезешь в дом. Один замок был кодовым, ключ от второго всегда при мне. Открыв оба замка, я вытащил матово-черную автоматическую винтовку. Изогнутый магазин, тяжелый приклад, ствол средней длины. Десять снаряженных магазинов лежали в ящике.

Дженни вздохнула.

– Не понимаю! Все граждане имеют дома оружие – в том числе огнестрельное – и почти никогда не пускают его в ход!

– Огнестрельное оружие можно использовать только при нападении врагов. Интервентов или террористических группировок. Каждый, кто применит оружие против гражданина, поражается в правах на всю жизнь. И это в лучшем случае.

– А в худшем?

– В худшем бесчестье падает на всю семью, а виновного подвергают позорной казни. Вешают, как собаку.

Возможно, я снова перегнул палку – девушка вздрогнула. И осторожно спросила:

– Просто так пострелять из винтовки ты можешь? Потренироваться?

– Это не приветствуется... Личное оружие отстреливается в присутствии мастера-оружейника. Хотя формального запрета нет. А пострелять всегда можно в тире. Если хочешь, мы можем зайти в тир, когда поедем в город.

– Да, наверное, хочу... А жители могут стрелять в тире?

– Нет.

– Но тогда ведь и иностранке не разрешат?

– Ты же будешь со мной.

Машину мы оставили перед зданием городской управы – там просторная парковочная площадка и всегда есть место. Бело-зеленое здание с лепниной, арочными окнами и башенками на крыше очень понравилось Дженни. Она никак не могла поверить, что это мэрия. Зачем городским властям строить для себя такой роскошный дом? На самом деле они в общем-то и не строили. Купили один из старинных особняков, отремонтировали, а прежнее здание – функциональное, но не слишком красивое снаружи – передали музыкальной школе. Городская управа, как ни крути, лицо города.

В управе нам делать было нечего, поэтому с парковки мы сразу пошли гулять по Большой Садовой. Мимо сквера, не переходя на людную сторону улицы, где народ заходил в магазины, идущие витрина к витрине. На нашей стороне было лишь кафе «Золотой колос».

– Зайдем? – предложил я Дженни.

– Зачем?

– Здесь подают свежие и очень вкусные пирожные. Можно выпить кофе...

– Но мы только что позавтракали. Не боишься потолстеть?

– Я – не очень. Точнее, успешно преодолеваю свой страх. А ты, видно, боишься.

– Неужели ты думаешь, что через час после плотного завтрака я могу опять захотеть есть?

– Не вижу здесь большого греха.

– Русские, – улыбнулась Дженни. – Нет, Нина отлично готовит, тебе повезло с домработницей. А куда мы идем?

– Хочу показать тебе здание, где будет проходить бал, на который нас пригласили. Интересно?

– Ну, в общем-то да.

Свернув за угол и оказавшись на Александровском проспекте, мы увидели солидное здание, облицованное полированным гранитом, – Дом офицеров. Здесь имелся огромный зал, который часто арендовали для значительных городских мероприятий. Также были популярны музыкальный и драматический театры – но там приходилось возиться с креслами, переставлять их, если предполагалась танцевальная программа. Еще для устройства званых вечеров использовали залы нескольких школ и гимназий.

Машины неслись по проспекту, добавляли газа, чтобы взобраться на довольно крутую горку перед Пушкинской улицей. Солнце пригревало. Поэтому воздух перед Домом офицеров был горячим, загазованным. На высоких ступеньках здания стоял мужчина в легком светлом плаще – ни жара, ни выхлопные газы его не смущали. Тонкие черные усики, внимательные глаза. Увидев меня, он воскликнул:

– Волков! Рад тебя видеть! Представишь меня даме?

Я вспомнил, что это был за человек. Владелец предприятия по производству обуви – расположенного, кстати, недалеко, вверх по Александровскому проспекту. Фамилия, кажется, Казарян. Руслан Казарян. С ним я пару раз сталкивался по работе в управе. Не скажу, что он произвел на меня совсем неприятное впечатление – но и положительных эмоций не вызвал. Обращение, как к старому знакомому, меня слегка покорило. Но, по большому счету, ничего невежливого он не сказал. Только с какой стати ему знакомиться с Дженни? Да и совсем недавно она просила меня не представлять ее назойливым ухажером. Правда, до бала еще далеко, а мы говорили о бале, но мое обещание от этого не теряет силы.

– Привет! Я тоже рад. Извини, девушка приехала издалека и не хочет заводить новых знакомств. – Я сдержанно улыбнулся.

Неприятно, конечно, когда тебе отвечают вот так. Но каков вопрос – таков ответ. Нечего сразу брать быка за рога – мог бы подойти и завести разговор о чем-то интересном и мне, и девушке.

Руслан нахмурился.

– Волков, твои манеры оставляют желать лучшего. Или ты так бережешь честь дамы, что даже не спросишь ее, хочет ли она со мной познакомиться?

– Возможно, мои манеры далеки от идеальных. – Я скрипнул зубами, но решил проглотить оскорбление. – Что касается дамы – все обговорено давно.

– То есть вы предполагали, что встретите меня? И заранее решили оскорбить меня на глазах у всех?

Два кадровых офицера, ротмистр и пожилой подполковник, которые только что вышли из стеклянных дверей, с интересом взглянули на меня и на Казаряна.

– Тебя никто не оскорблял, – сдержанно ответил я. – Ты задал вопрос и получил ответ. Что-то еще?

Дженни потянула меня за рукав:

– Пойдем отсюда.

– Не так сразу, – коротко ответил я ей.

– Да, что-то еще. – Руслан сверлил меня взглядом. – Могу я понимать твои слова как принесение извинений?

– Нет, конечно. – Я рассмеялся ему в лицо. – С чего ты взял, что я стану перед тобой извиняться, да еще и не будучи виноватым?

– Тогда я вынужден требовать удовлетворения.

– Даже так? Надеюсь, тебе не придется жалеть о своем предложении. Время и место.

Офицеры смотрели на нас неодобрительно, но молчали. В такие разговоры не пристало вмешиваться посторонним людям.

– В Ботаническом саду, – предложил Руслан. – В четыре часа дня. Устроит?

– Я в отпуске. Вполне устроит.

– Никита! Ты не можешь драться! – Дженни побледнела и глядела на меня умоляюще. – Это же дикость...

– Не позорь меня, – тихо сказал я.

– Ваш кавалер может избежать боя – если извинится, – усмехнулся Казарян.

Я положил руку на эфес шпаги:

– Ты забываешься! Время и место назначено – поэтому не лучше ли нам разойтись? Иначе я буду вынужден проучить тебя прямо здесь.

– Господа, господа, – протянул подполковник. – Не собираетесь же вы драться в центре города?

– Нет, конечно, – ответил я. – Но мне кажется, что разговор себя исчерпал. Именно это я и пытался объяснить своему визави.

– Встретимся у главного входа в сад. По одному секунданту достаточно?

– Вполне. И не забудьте вызвать доктора, Казарян. Он вам понадобится.

– Непременно приглашу самого лучшего специалиста. Для вас.

– Заранее признателен. До встречи. Дженни, ты хотела посмотреть зал?

Я взял девушку под руку и провел ее в холл Дома офицеров. Здесь было не в пример прохладнее и приятнее, чем на улице.

Высокие колонны поддерживали сводчатый купол над бальным залом. Натертый паркет, обитые светлой тканью стены, островом возвышающаяся в дальнем углу площадка оркестра... Мы смотрели вниз с одного из внутренних балконов. Но, похоже, зал совсем не понравился Дженни. Она чуть не плакала.

– По-моему, ты слишком много внимания уделяешь произошедшему инциденту. – Я взял девушку за руку. – Почему ты так сильно расстроилась?

– Почему я расстроилась? Потому, что ты из-за меня будешь драться на дуэли! А если тебя убьют? А если ты его убьешь?

– Я буду драться не из-за тебя, а потому, что господин, которого мы встретили на входе, вел себя неподобающим образом.

– Но ты ведь отказал ему из-за меня...

– Его предложение слишком нагло звучало. Или, говоря более дипломатично, было фривольным. Надеюсь, я смогу преподать ему урок хороших манер.

– Убивать за то, что он был недостаточно вежлив?

– Зачем убивать? Надеюсь, до этого не дойдет.

– А как же иначе?

Я усмехнулся.

– Дуэль со смертельным исходом не приветствуется обществом. Несмотря на то что такие дуэли официально разрешены. Если ты убьешь двух человек за год или каждый год будешь кого-то убивать, тебя вполне могут занести в «черные списки» мастера фехтовальных школ. А это очень нехорошо... Понимаешь, как бы ни владел человек клинком, всегда найдется тот, кто дерется лучше. Никто не может убивать для развлечения или удовлетворения своих амбиций. Ведь предлог для дуэли можно найти или создать почти всегда.

– Как же вы будете драться? Шутя?

– Нет, не шутя. Возможно, господин Казарян и попытается проткнуть меня по-настоящему. Ну а я постараюсь ограничиться уроком – как уже говорил. Ты ведь слышала – я советовал ему пригласить доктора, а не гробовщика.

– Ужасная страна! – воскликнула Дженни. – Ужасные нравы!

Мне всегда казалось, что такие патетические фразы смешны. Но из уст девушки они прозвучали трагично. Мне даже обидно стало. Захотелось ответить что-то столь же патетическое и, возможно, не совсем относящееся к делу. Например: «А зато в космос мы первыми вышли!» Но я воздержался и пожал плечами:

– Это моя Родина... Лучшей страны я не знаю. Хочешь, отправлю тебя домой...

– Я хочу, чтобы ты отменил дуэль!

– Невозможно.

– Почему?! Давай я перед ним извинюсь! Объясню, что просила тебя ни с кем меня не знакомить! Ведь ты будешь драться из-за этого!

Я нахмурился.

– Дженни, даже не думай ни о чем подобном. Потому что, если ты начнешь перед ним извиняться, мне придется убить его. Мне просто не останется другого выхода. Честь слишком многое значит в нашей стране. А честь женщины – превыше собственной чести.

– Но ведь я не твоя женщина!

Поскольку в словах Гвиневеры прозвучала какая-то нотка обиды, я слегка улыбнулся.

– Ты у меня в гостях. Поэтому я за тебя полностью отвечаю. Пойдем пообедаем где-нибудь. Перед дуэлью наедаться не стоит, так что до дома ждать не будем – перекусим в городе.

– А когда мы поедем в Ботанический сад?

– Мы? Нет, милая, ты туда не поедешь. Женщинам не полагается ходить на дуэли – особенно если дерутся из-за них. Это дурной тон. Я позвоню тебе после того, как разделаюсь с противником.

Мы вышли из Дома офицеров. Казарян уже скрылся – не иначе, отправился в тренировочный зал размяться перед дуэлью. Неужели и его ввело в заблуждение то, что на воротнике у меня не было знака мастера фехтовальной школы? А последователи академической, другими словами, классической школы – не так их и мало, но все же меньше, наверное, чем тех же учеников школы серебряной розы или лилии, рубинового ромба или золотого листа, – носят перстни, а не заколки. Впрочем, настоящие мастера подчас и заколок не носят. Может быть, Казарян в самом деле отличный боец и только и ждал повода, чтобы убить меня? Но волков бояться – в лес не ходить. Как бы там ни было, я буду драться. Не в первый раз.

Мы с Андреем Дорофеевым приехали к главным воротам в Ботанический сад на его автомобиле. Вместительный фургон мог при случае послужить и для транспортировки тела в горизонтальном положении – если предположить нехороший для нас оборот событий. Да и господина Казаряна, возможно, придется везти в больницу – мы ведь не варвары, противников на поле битвы не бросаем.

Богатый промышленник поджидал нас в сопровождении двух господ восточной наружности – на воротнике кудрявого армянина с дорогим позолоченным клинком сверкали крас-

ные кресты. Но он вряд ли имел отношение к медицине – кресты демонстрировали его принадлежность к мастерам соответствующей фехтовальной школы. Доктором был пожилой еврей с потертым зеленым чемоданчиком, плохо гармонировавшим с добротным черным костюмом эскулапа. Шпаги при докторе не было – как представитель уважаемой всеми профессии он, пользуясь негласной традицией, оружия не носил.

– О, господин Дорофеев, – узнал моего секунданта Казарян. Я в который раз подивился его осведомленности – не со всеми же жителями нашего города он знаком?

– Рад был бы видеть вас при других обстоятельствах, Руслан, – отозвался Андрей. – Вы уже выбрали площадку для боя?

– Нет, ожидали вас. – Казарян был на удивление жизнерадостен. – Позвольте мне представить моего секунданта и доктора, которого я пригласил для вас, Никита. Валерий Авакянц, Михаил Берковский.

Авакянц доброжелательно улыбнулся мне, доктор ограничился сухим кивком. Он выполнил свою работу – не более того. Размер гонорара не будет зависеть от тяжести повреждений. Так что лучше всего для эскулапа, если противники разойдутся с миром...

– Я знаю здесь чудное местечко, – продолжал разглагольствовать Казарян. – Уютная лощинка, ровная площадка. Нет посторонних глаз, все мило и пристойно...

Вглядевшись в расширенные зрачки своего противника, я понял, что он злоупотребил амфетаминами. Не совсем хорошо. Принимать стимуляторы перед боем в общем-то не возбранялось. Но и одобрения такой поступок не заслуживал. Преимущества от допинга – сомнительные преимущества, прежде всего по этическим соображениям. Впрочем, я не боялся Казаряна и в «динамичной» стадии его состояния. Наркотическое опьянение, заемную силу всегда можно обратить во вред бойцу – как бы он ни стимулировал ресурсы организма, рано или поздно они закончатся, и тогда Руслан просто не сможет вести бой.

Ботанический сад, как всегда в будний день, был почти пустынен. По дороге нам попались два собачника – псы были в намордниках, со скорбным выражением морд: почти лес, а погулять не пускают, – и компания студентов. Молодые люди, заметив группу вооруженных мужчин, да еще и в сопровождении доктора, сразу поняли, зачем мы сюда явились. Но не проявляли лишнего любопытства. Хотя взгляды бросали заинтересованные. Многие из них очень хотели бы посмотреть настоящую дуэль... Нет, ребята, зрелище не слишком интересное. Когда один человек хочет убить или искалечить другого – это всегда нехорошо. Какие бы высокие цели он ни преследовал. Чуть позже вы это поймете.

Лощинка, выбранная Казаряном, и правда оказалась уютной. Несколько сосен – они не так часто встречаются в наших краях; с одного края полянки – живая изгородь из кустов. Кострище в аккуратно сложенном каменном очаге – иногда сюда, по-видимому, приходили на пикники.

Я огляделся, сбросил плащ. Все вокруг дышало покоем и умиротворением.

– Руслан, я могу предложить вам разойтись без боя. Если вы принесете извинения. В свою очередь, смею вас заверить, что у меня были основания ответить отказом на ваше предложение сегодня утром.

– Нет, Никита, это я по-прежнему могу принять ваши извинения – но сам извиняться не стану. За что же мне извиняться? Даже смешно. – Казарян, словно подтверждая правдивость своих слов, нервно хохотнул. – Если вы извинитесь, я нигде не буду этим хвастаться.

– Мне не за что извиняться.

– Увы, мне тоже.

Авакянц хотел что-то сказать, востропел, но потом решил промолчать.

– Хочу предупредить вас, что я неплохо владею академическими приемами боя. – Я не сомневался, что промышленника это не остановит, да и отказаться от боя потому, что против-

ник сильнее, недостойно. Но выход всегда есть. – Поэтому я могу принять предложение о переносе времени дуэли. Чтобы вы имели возможность подготовиться к поединку основательнее.

Казарян гордо вскинул голову.

– Я не слепой и заметил ваш перстень, Никита. Что ж, мне будет приятно победить мастера. А если мастер победит меня – такова судьба, никто меня не осудит. Я в более выигрышном положении, не так ли? Проигрыш не так позорен, выигрыш вдвойне приятен.

– Пожалуй, так. Кроме того, я не собираюсь вас убивать.

– Не могу дать таких гарантий со своей стороны. Когда дерешься с мастером, используешь любую его ошибку. Не уверен, что смогу ограничить удар.

Откровенно и справедливо. Казарян даже начинал мне нравиться. Вспыльчивый, несколько навязчивый – но имеет правильные представления о чести и достоинстве. Впрочем, был бы он отъявленным негодяем, его бы уже давно закололи. Наверное, и ему, и мне сегодня утром не повезло. Не то настроение, плохое стечение обстоятельств.

– Начнем?

– Начнем, – кивнул Руслан.

Доктор присел на поваленный ствол сухого тополя, лежавший между сосен. Секунданты заняли положение на противоположных краях поляны. Они могли только наблюдать. Мы с Казаряном обнажили шпаги.

После нескольких взаимных выпадов я обнаружил, что дерется промышленник неплохо. Он, несомненно, проводил довольно времени в фехтовальном зале – когда-то. Сейчас движения стали более расхлябанными – и более порывистыми. Наркотиком нельзя восполнить пробелы в потере физической подготовки. А выигрыш в скорости ухудшает точность.

Первые пять минут я только оборонялся – это было совсем не сложно, атаки противника казались довольно вялыми. Впрочем, может быть, он хитрил? Может, на самом деле Руслан – мастер школы золотой розы и сейчас играет со мной? Хорошему фехтовальщику под силу казаться плохим – и ждать момента. А расширенные значки, амфетамины – все это может быть и игрой, и трагедией мастера. Вообще вся эта ссора могла быть подстроена моими недоброжелателями, которых в городе, не стоит себя обманывать, достаточно.

Быстрая атака, в результате которой клинок Казаряна едва не задел мое плечо, удачное отражение контрвыпада – который я не собирался делать смертельным, хотя противник вроде бы открылся...

С каждой минутой движения Казаряна становились более уверенными. То ли он входил в боевой раж, то ли вброшенный в кровь адреналин сжигал наркотические эффекты сознания – скорость сохранялась, разболтанность пропадала...

Я начал атаковать. Обманный удар, отбил клинок противника, выпад... Казарян успел уйти от удара. Не мудрствуя лукаво, я повторил комбинацию – и едва не напоролся на чужой клинок.

Вновь ушел в оборону. Открылся, предлагая бить... Не подействовало. Открылся еще раз. И еще. Наконец Казарян решился и нанес удар. Я отшвырнул его шпагу. Отличный момент для удара. Но бить я не стал – только кончиком клинка рассек кожу на левой стороне груди противника. И сделал шаг назад, принимая оборонительную позицию.

– Предлагаю считать инцидент исчерпанным.

Казарян опустил шпагу. Лицо его было злым.

– Надо было бить! – закричал он. – Я не признаю себя побежденным!

Лицо секунданта-армянина обиженно вытянулось. Он прекрасно видел, что я остановил удар, который мог достать до сердца. И готов был это признать. Но подводить друга не хотел.

– Я не предлагаю вам сдаваться, Руслан. Будем считать, что бой шел до первой крови. Она пролилась.

Черная рубашка Казаряна действительно начала пропитываться кровью – под аккуратным разрезом, почти не видимым на добротной ткани.

– Мы не дети! – Мой противник, казалось, обиделся. Хотя на кого, кроме себя, он мог обижаться?

Вмешался Авакянц:

– Руслан, я предлагаю прекратить бой. Условия более чем приемлемые. Мы обсудим их с секундантом господина Волкова.

Пять минут спустя секунданты вынесли вердикт: удовлетворение сторонами получено, разговоров о дуэли не будет, побежденным Казарян себя не признает, так как предпочитает смерть бесчестию. Доктор в это время делал Руслану перевязку.

Когда он закончил, Казарян попросил:

– Господа, не могли бы вы пройти вперед, к нашим автомобилям? Я хочу обсудить с господином Волковым кое-какие вопросы.

– Только не деритесь больше, – почти серьезно заявил Андрей. Впрочем, даже он, при врожденной недоверчивости, вряд ли подозревал подвох.

Когда секунданты и доктор скрылись за деревьями, Руслан сказал:

– Извини, Никита, я, пожалуй, и впрямь вел себя слишком назойливо. Мне жаль, что пришлось ссориться с тобой. А от боя я получил настоящее удовольствие.

– Извини и ты – я разговаривал с тобой чересчур грубо, – не остался в долгу я. – Это было неправильно, ты не заслужил такого обращения. Я вполне мог отказать тебе в более вежливой форме.

– Ты был с дамой...

– Да.

– Она мне и правда понравилась. Думал, сестра или кузина. Нет?

– Не имеет значения.

– Вы чем-то похожи.

– Похожи? – Я подошел к сосне, оперся о теплый красный ствол. – Вот уж не думал... Нет, она приехала из дальних краев. Из Америки. И просила, чтобы я никому не представлял ее. Боялась лишнего внимания на приеме, который дают в субботу в Доме офицеров. Поэтому я был вынужден ответить тебе отказом.

– Я и не собирался на тот прием...

– Кто знал? Да и какое это теперь имеет значение?

Казарян некоторое время помялся:

– Не надеюсь на дружеские отношения... Но, возможно, ты не будешь держать на меня зла. Хоть я и не признал себя побежденным, ты действительно спас мне жизнь. Если понадобится моя помощь – обращайся.

– Спасибо. Я не держу на тебя зла – и надеюсь, ты не будешь держать зла на меня. Ты мне ничего не должен.

Похоже, Казарян в самом деле был неплохим парнем. Во всяком случае, он умел признавать свои ошибки и смело смотрел опасности в лицо. Что до характера... У кого из нас он идеальный?

Мы догнали своих спутников, погрузились в автомобили и разъехались. С дороги я позвонил Дженни. Голос ее дрожал, но нужно было ее слышать, когда я сообщил, что Казарян жив и здоров. Думаю, если бы я в этот момент был рядом, она бросилась бы мне на шею и обнимала целый час.

Дженни встретила меня возле ворот, но обнимать не стала. Напротив, лицо ее было мрачным. Пухлые губки плотно сжаты, никаких намеков на улыбку и на очаровательные ямочки на щеках.

– Ужин готов? – как ни в чем не бывало спросил я. – У нас гость, ты не против? Андрей поклонился, широко улыбнулся, но девушка лишь холодно кивнула ему.

– Я здесь не хозяйка. А Нина все приготовила. Она тоже очень волновалась.

– Напрасно.

– Пожалуй, поеду, – вздохнул Дорوفеев. – Только что вспомнил – очень важный заказ.

– Но поужинать ведь надо?

– Конечно, – сменила гнев на милость Дженни. – Мы не отпустим вас просто так. Вы ведь были секундантом Никиты?

– Да... Мы с ним друзья.

– Так неужели не зайдете в дом?

Девушка нервно теребила кончики шелкового платка, лежащего у нее на плечах.

– Мне показалось, я не вовремя.

– Только показалось! Проходите, пожалуйста!

Андрей усмехнулся, подмигнул мне. Смысл его подмигивания был понятен без объяснений. Вслух он бы сказал мне: «И где ты таких находишь?»

– Супруга ждет и дочка. Они тоже волновались за Никиту. Ну и за меня немного. Мне и правда надо ехать.

Когда Андрей ушел, Дженни даже губу закусила.

– Извини меня, Никита...

– Все нормально... Если бы он захотел, то остался бы.

– Теперь я еще и поссорила тебя с другом...

Это заявление было совсем уже абсурдным – как поведение девушки может поссорить двух мужчин? Только в том случае, если кто-то из них ведет себя неподобающе... Поэтому отвечать я не стал, а ободряюще улыбнулся Дженни и пошел в ванную.

Мышцы после боя приятно болели. Я не почувствовал дискомфорта сразу, но теперь, под горячими струями, расслабившись, понял, что очень устал. Да и нервное напряжение сказывалось.

Сколько бы раз вы ни участвовали в дуэлях, как бы ни убеждали себя в том, что ничего страшного произойти не должно, как бы ни были уверены в том, что ваш противник владеет клинком хуже вас, – любой бой вне тренировочного зала может оказаться последним. Достаточно примеров тому может привести каждый, перебирая только своих знакомых и соседей... Любая дуэль – предельное напряжение нервов. Порой тебе хочется драться, ты испытываешь настоящий восторг от стычки, адреналиновое опьянение – но все равно ты понимаешь, что идешь по краю бездонной пропасти. Главное – не бояться высоты. Уметь побороть свой страх, остаться спокойным и уверенным в себе...

В дверь поскреблись.

– Кто там? Что случилось?

– Это я... С тобой все в порядке?

– Да, конечно. Через пять минут выйду – и к столу. Ты еще можешь успеть переодеться.

– Зачем мне переодеваться? – Голос Дженни был удивленным. Ну да, американская демократия, простые нравы. Вполне можно ужинать в джинсах, блузке и накинутом на плечи платке. А Нина наверняка приготовила роскошную трапезу – так уж принято.

– Как хочешь, – выключая воду, ответил я. – После еды вполне можно куда-нибудь сходить.

– Тогда я и правда переоденусь.

Солнце уже село, в столовой царил полумрак. В двух подсвечниках посреди стола были зажжены по три свечи. Освещение получилось причудливым, каким-то тускло-неуверенным. От этого лично мне становилось тоскливо – вспоминалось детство, смутные страхи перед

темной, дождливые вечера, когда отключали электричество... Но если Нина или Дженни решили, что у нас должен быть ужин при свечах, – я не стану спорить. Когда наступит ночь и небо почернеет, в столовой станет гораздо уютнее.

Простой ужин был красиво сервирован. Овощной салат в хрустальной салатнице, жареная на растительном масле картошка на фарфоровом блюде, кабачковые оладьи, лаваш и острый томатный соус. Бутылка вина стояла на столе, но не была распечатана. Рядом с ней – два графина с соком: апельсиновым и яблочным. Нина заботилась о моей нравственности и даже, можно сказать, о душе. Пятница – постный день...

Я объяснил Дженни, что мы, как правило, соблюдаем посты, во всяком случае, некоторые, и предложил ей мяса – если она хочет. В холодильнике всегда найдется или окорок, или холодные котлеты, или хотя бы жареная курица... Девушка с негодованием отказалась:

– Мне давно уже хотелось стать вегетарианкой. Очень кстати, что у вас начался пост.

– Нет, какого-то особенного поста сейчас нет. По средам и пятницам рекомендуется воздерживаться от употребления мясной пищи. Ну и от злых помыслов, конечно...

Хорошо понимая, что Дженни не преминет отчитать меня, я все же дал ей такую возможность. И она не растерялась:

– Выходит, есть мясо в пятницу – грех, а убить человека – нормально?

– Но я ведь никого не убил. И не собирался, между прочим.

– Зато пролил кровь!

– Это было наименьшим злом в данной ситуации...

Во дворе послышался скрип – будто старое дерево качнулось под сильным порывом ветра. Только ветра на улице не было. Да и деревья у меня во дворе прежде не скрипели.

Дженни вздрогнула и посмотрела на темное пятно окна.

– Там кто-то ходит!

Мне звук тоже не понравился, но вида я не подал.

– Кошка?

Тут раздался звук падающего тела.

– По меньшей мере тигр... Или медведь. Сюда мог пробраться медведь?

По выражению лица Дженни я понял, что она не шутит, и рассмеялся. Водка, шпаги и медведи. Какие еще ассоциации возникают у добропорядочных американцев, когда речь идет о России? И не важно, что мы живем в степной зоне, что и в лесу сейчас найти медведя очень проблематично. Если мы в России, прежде всего стоит опасаться медведя. Может быть, даже белого медведя.

Я подошел к окну, открыл тяжелую раму с решеткой и витражом, выглянул наружу. Чей-то силуэт мелькнул в саду. Незвестный поспешно перелез через забор и побежал по улице. В сумерках не удалось рассмотреть незваного гостя хорошо.

– Кто здесь? – Мой крик прозвучал в ночи отчетливо, но никто не отозвался.

У соседнего дома взревел двигатель. Я подбежал к камину, сорвал со стены шпагу, принадлежавшую прежде отцу – за своей нужно было идти в другую комнату, – бросился на первый этаж... Но, пока спускался, открывал засовы на входной двери, бежал через двор, автомобиля и след простыл. Кто здесь стоял, куда уехал? Соседи у меня степенные люди, по ночам не шастают, сидят дома. Машину, на которой приезжал неизвестный, вряд ли кто видел.

– За нами следят? – просто и без испуга спросила Гвиневера.

– Может быть, – не стал спорить я. – Вот только кто и зачем? Мне это не совсем понятно...

– Служба безопасности?

– Зачем?

Я и в самом деле не думал, что контрразведка могла заинтересоваться моей гостьей. И тем более мной. Хотя... В жизни бывает всякое. Одно «но» – контрразведчики никогда не стали бы работать так грубо. Там служили профессионалы – вряд ли я застал бы кого-то из них

перелезающим через забор. Да и покушение на нас в рабочем квартале... В схему повышенного внимания к нашим персонам службы безопасности оно никак не укладывалось. А ведь то нападение произошло неспроста. Это Дженни могла подумать, что в России – дикие нравы, но я-то знал, что поведение жителей было крайне нетипичным, что случаев нападения жителей на граждан практически не бывает. Каждый – чрезвычайное происшествие.

– Ты не забыл? Я ведь американка.

– Мы не считаем каждого американца шпионом. Да и контрразведчиков, если бы они и в самом деле за нами следили, мы бы вряд ли заметили. Существует масса технических возможностей...

– Это ты говоришь для того, чтобы я каждый раз оглядывалась, входя в ванную комнату? И не чувствовала там себя одинокой?

– Не думаю, что кто-то будет следить за тобой в моем доме. Это противозаконно. Разве что соседские мальчишки в бинокль – если ты не станешь закрывать окно.

– А как же понятия о чести?

– Ну, что плохого в том, чтобы поглазеть на красивую девушку? Пусть и с помощью бинокля.

– Значит, я стану закрывать окно.

Гулять мы не пошли. Долго сидели у камина, потом смотрели телевизор – совместный русско-китайский фильм о войне с Японией в 1895 году – «Битва за Сахалин». После этого патриотического фильма между нами даже возник небольшой политический диспут. Дженни не удержалась и отметила:

– В ответ на попытку самураев захватить Сахалин вы отобрали у них и Хоккайдо.

– Россия и Япония в состоянии войны, – не стал спорить я. – Хотя перемирие продолжается уже сорок лет. Нам нужны гарантии безопасности Родины. На Хоккайдо стоят базы крылатых ракет. Мы не можем рисковать Владивостоком и Сахалином.

– И пять ударных бронетанковых дивизий вы держите в Монголии из соображений безопасности?

– С южных границ Монголии до Пекина рукой подать, – усмехнулся я. – Сайн-Шандское соединение может дойти до китайской столицы за три дня – взламывая линии обороны противника. Да, мы должны позаботиться и об этом стратегическом направлении – политика Китая непредсказуема. Если не будет монгольского буфера, китайцы легко могут отсечь восточную часть страны от западной. Кстати, мне предлагали служить в танковых войсках в Сайн-Шанде. Но я выбрал пехоту. А ты, конечно, осуждаешь нашу имперскую политику?

– Мне кажется, вы могли бы более рационально использовать свои природные ресурсы и людской потенциал. Сколько лет ты отдал армии? Зачем вам столько оружия? Ведь, кроме Соединенных Штатов и Китая, у России нет реальных соперников.

– Я бы не стал скидывать со счетов Германию, Великобританию, арабские государства... Впрочем, оставим большую политику, Дженни! Мы живем так, как живем. Давай лучше подумаем о завтрашнем приеме... Ты по-прежнему не хочешь, чтобы я тебя с кем-то на нем знакомил?

– Да. Но не в том случае, если отказ ведет к дуэли.

– Хорошо. Я постараюсь не переходить этой грани.

Проснулся я в тот момент, когда дверь в мою спальню открылась, но не мог оторвать голову от подушки. Сны мешались с явью, открыть глаза было так тяжело... Несколько быстрых шагов, и чьи-то руки стащили с меня одеяло.

– Никита! Никита! Смотри, что бросили мне в окно!

Неимоверным усилием воли я собрался и сел в постели, едва не ударив головой склонившуюся надо мной Дженни. Открыл глаза, пытаюсь разглядеть то, что она держала в руках.

Что-то розовое... И серое. Вроде бы не граната. Все остальное, что могут бросить в окно, не настолько опасно.

Два раза моргнув, я разглядел, что показывала мне девушка. Довольно увесистый камень, завернутый в розовую, очень праздничную, даже, можно сказать, кокетливую бумажку. Точнее, он уже не был завернут – просто лежал на смятом листе бумаги. Это была записка.

*Убирайся обратно в Америку, если тебе дорога твоя жизнь. Мы найдем способ тебя достать. Ни один шаг по нашей земле не будет для тебя безопасным. Янки, гоу хоум.
Антиамериканская русская лига.*

– Что за чушь? – спросил я.

– Откуда я знаю? – Голос Дженни дрожал. – Я проснулась от стука. Камень лежал посреди комнаты. По-моему, его забросили в форточку – она была открыта. Теперь я не смогу спать с открытой форточкой – ведь они могли влезть туда и сами!

– Я не об этом. – Язык ворочался с трудом, но я постепенно просыпался и приходил в себя. – Нет никаких антиамериканских русских лиг. Это бред.

– Почему бред?

– Да потому, что у нас не Америка! Нет ни ку-клукс-кланов, ни белых националистов, ни черных националистов. Среди жителей, конечно, встречаются поборники так называемых «расовых идей», но уж к гражданам они своих претензий никогда не предъявляют – разводят демагогию в парламенте. И бросать в окно камни с записками бывшему помощнику шерифа, а теперь – работнику городской управы, им и в страшном сне не привидится.

– Тогда что это такое?!

– Буду думать, – вздохнул я.

– А в полицию мы обращаться не станем?

– Зачем? Там и так интересуются нашими недоброжелателями.

– Может быть, нужно дать им новые улики?

– Может, и нужно... Но почему-то мне кажется, что не стоит. В конце концов, я и сам занимался оперативной работой. Мне надо просто поразмыслить. А сейчас – пойдем выпьем кофе?

Только сейчас я заметил, что Дженни – в одной ночной рубашке. Точнее, видел я это и прежде, но не придавал этому никакого значения. Да и сам я был в общем-то не одет...

– Пойдем, – кивнула Дженни. – Только я зайду на минутку в свою комнату.

– Не побоишься?

– Нет. Но скоро я попрошу у тебя кинжал и буду всюду носить его с собой.

Нина уже приготовила кофе и расхаживала вокруг обеденного стола в волнении. Сейчас она напоминала обеспокоенную наседку – вроде бы и коршуна в небе нет, но все равно как-то тревожно...

– Слышали, что случилось? – спросил я.

– Видела, как гостя к вам сломя голову побежала. Опять кто-то влезть пытался?

– Ты говоришь «опять»? – удивился я. – Но я ведь тебе не рассказывал, что вчера кто-то лазил через ограду. Или Дженни успела?

– Нет. Только и позавчера кто-то в саду шумел, – заявила Нина. – Когда вы гуляли.

– С ума сойти. Это уже ни в какие ворота не лезет.

Выходит, когда я отбивался в чужом подъезде от банды жителей, кто-то пытался залезть ко мне в дом? Все интереснее и интереснее. Может быть, дело именно в том, что нужно было отвлечь и задержать меня? Но зачем? Здесь работала Нина, которая потом включила сигнализацию. Если на то пошло, в дом проще пролезть, пока я сплю.

– Вот именно, – горячо поддержала меня Нина. – Ворота-то на замке, и никто не стучит. А через забор шастают. Никогда такого не бывало.

Я присел в кресло, налил в чашку черного кофе, сливок добавлять не стал. Так и в своем доме начнешь чего-то бояться... Через забор они лазают, камни в окно кидают. Может, и в кофе что-то подсыпали? Неведомый и вездесущий враг – самый опасный.

Дженни пришла минут через десять – успела подкрасить глаза, губы и накинуть домашний халат. Лицо у нее было напряженным.

– Ты испугалась? – Я налил ей кофе.

– Нет. То есть да. Но дело не в этом. Своим приездом я бросаю тень на тебя.

– Что? Бросаешь тень? Каким же это образом?

– Соседи станут говорить, что ты якшаешься с американцами. Да и эта антиамериканская лига – они ведь могут покушаться и на тебя.

Я встал из-за стола, подошел к окну. Орех шумел на ветру, солнечные зайчики, пробираясь сквозь листву, метались по двору.

– Ты говоришь по-русски даже лучше, чем я предполагал. «Якшаюсь». Это слово не каждый русский сейчас вспомнит... Нет, Дженни, никто не поставит мне в укор то, что я пригласил тебя в гости. А если и поставит – ответит за это, потому что я свободный гражданин. Но, поверь мне, никаких антиамериканских настроений у нас нет. И если наши страны не поделили что-то на Тихом океане, в Европе или Океании, это не повод, чтобы смотреть на каждого американца как на врага. Нет никаких антиамериканских лиг – хочешь, можно даже в Сети проверить.

– Я уже проверила.

– И как успехи?

– Несколько ссылок есть.

– Странно.

– В основном ссылки на художественную литературу.

– Чего только не придумают романисты...

Дженни взяла румяную булочку, разрешила ее пополам и намазала медом. Хорошо хоть аппетит после всех этих событий она не потеряла.

– Ты помнишь – сегодня мы идем на бал, – напомнил я девушке.

– После всех этих событий я боюсь появляться на людях.

– Напрасно. К тому же мы будем там не одни. За нами заедет Дорофеев с женой.

– Хорошо. А почему ты не хочешь ехать на своем автомобиле?

– У Дорофеева есть водитель. А на балу мы будем не только танцевать – возможно, что-то выпьем. Садиться после этого за руль не стоит. Может случиться скандал. Подвергать опасности жизнь других людей, управляя автомобилем в нетрезвом состоянии, – серьезный проступок. Не то что прийти на вечер с американкой. Можно, конечно, приехать и на такси, но если нас подвезет Дорофеев – к чему лишние сложности?

– Мы поедем на том самом фургоне? – Гвиневера, похоже, была разочарована. Действительно, хозяйственный фургон Андрея, который Дженни видела, когда Дорофеев был моим секундантом на дуэли, – явно не карета Золушки.

– Нет, у него есть замечательный микроавтобус. Не лимузин, конечно, но выглядит гораздо более достойно, чем фургон.

Не знаю, сколько времени заняла подготовка к балу у Дженни. Я сидел у потухшего камина и читал газету, потом поднял глаза – и увидел в своей гостиной совершенно чужую даму – в длинном сиреновом платье, с веером в руках. На лице дамы блуждала загадочная улыбка. Невольно я подумал: «Агенты антиамериканской лиги до меня добрались». И только потом сообразил, что дама не кто иная, как Гвиневера.

– Потрясающе, – без тени лукавства заявил я.

– Вот что могут сделать несколько лишних футов ткани и хорошая косметика, – рассмеялась Дженни. – А ты так и пойдешь?

– Нет, переоденусь в смокинг. И возьму с собой шпагу, которую подарила мне ты.

Через пятнадцать минут мы уже ехали в микроавтобусе Дорофеева. Он ничуть не походил на фургон – скорее на приподнятый и раздутый лимузин. Полированные вишневые бока, кожаная отделка салона. Зачем Андрей приобретал автотранспорт «с запасом», чтобы в нем могло поместиться больше людей, я не знал. Двух дочек вполне можно было возить в самом обычном автомобиле. И с парковкой проблем меньше.

Жена Андрея, Инна, расспрашивала Дженни об американской моде – о том, что на самом деле сейчас носят женщины в Америке. Посмотреть журналы и каталоги не проблема, но свидетельств очевидца гораздо ценнее. Впрочем, ничего особенно интересного американка ей не поведала. В Нью-Йорке одевались примерно так же, как в Москве, то есть кто во что горазд, в провинции – более тщательно, с местным колоритом, который вряд ли заинтересует модниц России.

Микроавтобус и водителя мы оставили в уютном тупичке неподалеку от Садовой улицы – рядом с Домом офицеров яблоку негде было упасть, хотя приехала едва ли половина гостей – до начала торжеств оставалось минут пятнадцать. В холле гуляли нарядные пары, стояли группы празднично одетых мужчин и женщин. Мы отошли к сводчатому окну, откуда был хорошо виден главный вход в здание.

Вот прибыл генерал Сумароков – золотые погоны, кресты и звезды орденов, роскошные седые усы. На руку опирается супруга – хорошо сохранившаяся дама в темном платье. Следом семят три дочери – светлые платица, свежие лица, легкомысленные завитки волос. Младшей, кажется, всего четырнадцать, старшей – девятнадцать. Но генерал уже вывозит дочек в свет – их ведь нужно выдавать замуж. Хотя проблемы с этим вряд ли возникнут – приданое у девочек есть, да и внешностью Бог не обидел.

Городской голова, как принято говорить в Америке – мэр, Игнат Иванович Вяземский, прибыл ровно за пять минут до начала торжеств. Строгий костюм, длинный клинок на поясе, лицо немного уставшее.

– Почему мэр без супруги? – спросила Дженни, когда я показал ей на мэра. – Он на балу по долгу службы?

– Можно сказать и так. Его супруга тяжело больна, не встает с постели третий год.

– Пойдемте в Большой зал, – предложил Дорофеев. – Сейчас начнется.

Большинство приглашенных, человек двести, стояли полукругом около возвышения, на которое прошествовал мэр. Он бодро поздравил всех с праздником – днем взятия Константинополя – и объявил торжественный прием открытым. Сидящий на балконе духовой оркестр заиграл гимн. Гражданские стали по стойке «смирно», военные взяли под козырек. Даже дамы перестали шушукаться – вытягиваться им нужды не было, каждая и так гордилась своей осанкой.

Когда музыка смолкла, Дженни прошептала:

– Прямо как на митинге.

– Сегодня государственный праздник. Официально нас пригласили на прием – но, поскольку будет музыка и танцы, все называют его балом.

Стоящая сзади нас женщина – еще не пожилая, но с каким-то неприятным, презрительным выражением лица, прошептала:

– Ни стыда, ни совести! Гимн играет, а они болтают.

– Извините, – процедил я, хотя гримза явно была не права. Мы не говорили, пока звучала музыка.

– Да это еще и шпионка, которую Волков пригласил к себе, – еще громче заявила женщина – так, что некоторые обернулись в нашу сторону. И я сообразил, что видел скандалистку

прежде – она была женой директора городских телефонных сетей Арсения Мухина. С ним я тоже был знаком шапочно, но супругу его вспомнил.

– Извините, вас, кажется, ввели в заблуждение, – с трудом сдерживаясь, ответил я. – Госпожа Смит приехала из Соединенных Штатов Америки с частным визитом, и ее деятельность далека от разведывательной.

– Все американцы – шпионы, – безапелляционно заявила Мухина. – А ты, Волков, постыдился бы! Шерифом служил, сейчас в управе работаешь, а привечаешь врагов. Если уж такие люди продаются...

Арсений Мухин даже не пытался унять свою жену – понимал, что бесполезно. Он стоял рядом, смотрел в потолок и тяжело вздыхал. Догадывался, что последует дальше, и это его несколько не радовало. Хотя кто знает? Незачем ездить с такой супругой на приемы. Как известно, муж отвечает за свою жену. Да, отвечает...

Не скажу, что мне хотелось так поступать, но и смолчать я не мог. Если бы Мухина оскорбляла меня – половина беды. Но она дурно отозвалась о моей спутнице. Гвиневера стояла ошарашенная и не могла вымолвить ни слова.

– Господин Мухин, требую удовлетворения, – произнес я, глядя в глаза мужу скандалистки. – Извольте назначить время и место.

На лацкане фрака Мухина мягким светом сияла золотая роза – знак мастера клинка одной из самых известных школ. Подозреваю, если бы не отличное умение фехтовать, Мухина давно бы уже закололи – из-за вздорного характера жены. Бывает и так... Издержки системы, как нельзя лучше проявляющей себя в других случаях.

Арсений поморщился.

– Стоит ли обращать внимания на слова женщины? – несколько раздраженно спросил он.

– А вы как считаете?

– Я считаю, что мы вполне можем закончить дело миром.

– Вы приносите мне свои извинения?

Мухин на мгновение задумался.

– Разве вас оскорбили?

– По-вашему, обвинения в предательстве и продажности – комплимент?

– Полегче, молодой человек...

– Моя фамилия Волков, господин Мухин. И я совсем не так молод, как мне хотелось бы.

Вы принимаете мой вызов?

– Вас не смущает бой с мастером?

– Нет. – Я словно бы невзначай поднял руку, демонстрируя свой перстень с сапфиром.

Скорее всего Мухин фехтовал лучше меня. Хотя бы потому, что в каждой школе – свои правила. Если получить отличительный знак академической школы может практически каждый, кто усердно занимался в течение нескольких лет, то школа золотой розы не раздает своим знакам отличия за обычное усердие – мастер должен обладать настоящим талантом, на голову превосходить своих соратников.

– Стало быть, тоже мастер, – кисло заметил Арсений. – Ну а то, что я старше, вас не смущает? Хотите драться на дуэли с человеком, годящимся вам в отцы?

– Нет, – честно признался я. – Если вы уклоняетесь от вызова по возрасту, я безропотно приму ваше решение.

Мухин вздохнул.

– Рано мне еще на возраст ссылаться. Соратники не поймут.

Дорофеев, который до сих пор молча наблюдал нашу вялую перебранку, заметил:

– По дуэльному кодексу ты имеешь право на недельную отсрочку. Ибо дрался не далее, как вчера.

– Так ведь вызываю я...

– Это без разницы. Почитай внимательно кодекс.

Дженни вцепилась мне в руку.

– Никита! Не смей! Я не хочу!

– А по-русски очень даже американочка твоя разговаривает, – заметила жена Мухина. – Может, из наших бывших, которые туда в прошлом веке подались? Тогда беру свои слова обратно. Русский – он везде русский.

Мухин облегченно вздохнул, у меня на душе стало веселее, а Дорофеев вообще широко улыбнулся. Одна только Дженни не поняла, почему так резко упал градус беседы.

– Вы удовлетворены извинениями моей жены? – спросил Мухин.

– Да, – тут же ответил я.

– Но у меня в роду нет русских, – вмешалась Дженни. – Во всяком случае, из тех бабушек и дедушек, которых я знаю, никто не рассказывал о примеси русской крови.

– Бедняжка, – вздохнула Мухина. – Не повезло в жизни.

Повернулась и пошла куда-то прочь.

Арсений сделал шаг вперед и встал ко мне вплотную. Зашептал почти в ухо:

– Все ведь знают, что моя жена не в себе. Вам так обязательно акцентировать на этом внимание?

– Простите, я не знал...

– Так знайте! Вам что, непременно нужно подраться? Извольте, я готов! Но сейчас, когда все видели, что она извинилась, что каждый знает – вы не струсил и вызвали меня, – чего вам еще надо?

– Мне – ничего. Но дама была оскорблена.

– Так перед вашей дамой я могу извиниться! Не перед вами, а перед ней! Вас это устроит? Я поклонился.

– Господин Мухин, вы достойный человек. Я отказываюсь от своего вызова.

– Если бы вы знали, как мне это надоело, – вздохнул Арсений. – Ладно, молодой человек, лично мне наш разговор доставляет мало удовольствия...

– Мне тоже. Всего хорошего.

Мухин развернулся и побрел разыскивать свою полусумасшедшую супругу. Я кивнул Дженни:

– Ты довольна? Или мне все-таки вызвать его?

– И думать не смей! Иначе я уеду тотчас же!

– Тогда давай наслаждаться прекрасным вечером. Произошедшее – всего лишь досадное недоразумение.

– Ох, что-то слишком много этих недоразумений, – вздохнула Гвиневера.

Пока мы выясняли отношения с Мухиным, началась танцевальная программа. Открывал вечер менуэт – на него пары записывались заранее, и мы принять участие в танце не могли. Но и просто посмотреть было интересно – только, когда Мухин ушел, менуэт уже закончился. Объявили вальс. Дорофеев с женой отправились танцевать, мы с Дженни взяли у проходившего через зал официанта по бокалу шампанского и отошли к окну. Солнце село, на улице зажигались фонари.

– Может быть, поедем домой? – спросила Дженни. – Я уже поняла, что такое балы. И какой бывает русская знать.

– Девяносто девять процентов присутствующих – вполне достойные и адекватные люди, – вздохнул я. – И далеко не каждого можно отнести к категории «знать» – скажем, вот, Виктор Сергеевич Сухарев – из обычной семьи. Поступил в институт, отслужил в армии, получил гражданство и сколотил немалый капитал собственными руками. Многие тут не из потом-

ственных дворян. А что касается нравов – что я могу поделаться, если тебе везет на дураков и сумасшедших?

– Подобное притягивает подобное? – слегка мрачно спросила Дженни.

– Ну, я вовсе не это имел в виду...

Девушка пригубила шампанское, покачала головой, поставила бокал на подоконник.

– Мне здесь неуютно. Долго еще будет продолжаться вечер?

– До полуночи – наверняка. Потом люди начнут расходиться. Скоро состоится благотворительная лотерея – до нее уходить просто неприлично. Надо купить хотя бы несколько билетов.

– Куда пойдут средства?

– Точно не знаю, но цель наверняка благая. Может быть, деньги потратят на содержание больниц для бедных. А может, на помощь бездомным или бесплатные обеды для малообеспеченных жителей.

– У вас есть бездомные?

– Есть. Люди попадают в самые разные ситуации. Но бездомные не живут на улицах. Каждому предоставляется место в общежитии, обеспечивается двухразовое питание, социальные работники пытаются их трудоустроить. Не все безработные заслуживают каторги, и не каждого надо отправлять в лагерь принудительного труда.

– Что? – изумилась Дженни. – Бродяг у вас до сих пор отправляют на каторгу?

– Статья закона не отменена. Почему нет? Если человек сознательно не хочет работать, он не имеет источника к существованию, и для него остаются только незаконные способы добычи денег. Насчет каторги я сказал громко – в колонию строгого режима бродяг не отправляют, если они ни в чем не провинились. Там место опасным преступникам. А вот в трудовой лагерь на пару лет бродяга и тунеядец может попасть запросто.

– И ты считаешь это правильным?

– Конечно. Когда бродягу научат работать, он сможет вернуться к полноценной жизни.

– И его научат в лагере?

– Несомненно.

– А если он не станет работать? Его будут бить?

– Есть разные способы стимулировать человека к полезной деятельности.

Дженни взяла свой бокал с шампанским и выпила его залпом. На меня она смотрела как на чудовище. Что делать? Я действительно считал, что тех, кто не хочет работать добровольно, нужно заставлять трудиться под плеткой. Никто не должен паразитировать на теле общества. Почему я должен кормить работоспособных тунеядцев? Пусть пропалывают свеклу и подсолнечник, убирают за коровами и за свиньями, если не хотят или ленятся выполнять более квалифицированную работу. Для прополки тоже нужны люди. Не везде справится культиватор.

– Пойдем купим лотерейных билетов, – предложил я. – Розыгрыш скоро начнется.

Большой плакат, написанный от руки на бледно-зеленой бумаге, сообщал:

Сорок равноценных призов. Два в одном. Жалеть не придется! К празднику. Вы о таком и не мечтали! Желание сбудется уже этой ночью!

Прямо скажем, не совсем внятный текст. Много намеков, мало ясного. Понятно, что на каждый выигравший билет приходится по два приза. Понятно, что сорок билетов – с одинаковыми выигрышами. Что это может быть? По большому счету, что угодно.

Цены на билеты сегодня кусались. Двадцать пять рублей за один – обычно они были по пять, максимум – по десять. Пожилая женщина в богатом платье, торгующая билетами, одобряюще улыбнулась мне:

– Если выиграете, жалеть не придется. Не слышали, какие призы?

– Нет, – улыбнулся я. – Какие?

– Сюрприз.

– Хотя бы намекните.

Женщина улыбнулась, оглянулась по сторонам и заговорщицки прошептала:

– Романтическое путешествие. Поверьте, оно того стоит!

– Куда же?

– Догадайтесь.

Я не догадался, но решил взять четыре билета. Дженни наверняка будет приятно выиграть. Что за радость участвовать в лотерее и остаться ни с чем? Хрустящая белая ассигнация с портретом Александра Благословенного перекочевала в кассу, а мы получили четыре зеленых билета с номерами от семьдесят седьмого до восьмидесятого. Правый край билета с представленным на нем номером кассир обрезала фигурными ножницами и бросила в прозрачный барабан.

С билетами в руках мы пошли к бару – здесь наливали напитки крепче шампанского, и за деньги. Я взял виски для себя и армянский коньяк для Гвиневеры. В Америке коньяк из Армении вряд ли попробуешь. Ну а к виски я относился с симпатией – в последнее время напиток нравился мне даже больше, чем коньяк.

Дженни сжала ладонями пузатый бокал, понюхала.

– Виноградом пахнет! Надо же...

– А мой напиток пахнет не кукурузой, а самогоном, – улыбнулся я. – Но приятным самогоном, надо заметить. Знаешь, что такое самогон?

– Знаю. Читала.

– Попробовать нет желания?

– Виски?

– Нет, самогон.

– В этом баре его наливают?

– Здесь – вряд ли. А в рабочих кварталах купить бутылку-другую не проблема. Одна беда – мы не постоянные клиенты, могут подсунуть какую-нибудь гадость. Места надо знать...

– А зря. – Глаза Гвиневеры мечтательно затуманились. – Было бы неплохо. Подходишь к бармену и говоришь: мне стакан самогона. Его ведь пьют стаканами?

– Гранеными.

– И залпом!

Девушка проглотила свою порцию коньяка и рассмеялась. Но смех получился каким-то грустным – видно, было ей одиноко и неудобно. Или я приписывал Дженни свои ощущения? Мне все время казалось, что она может почувствовать дискомфорт из-за разницы в культуре и обычаях наших стран. Но, может быть, для американца или американки это не так страшно? Это мы, постоянно борясь с дискомфортом, следя за каждым словом, загоняем себя в угол. Живем так, как должно. Хотя что хорошего в расхлябанности и анархизме, в обществе, где люди не отвечают за свои слова и не отдают отчет в своих действиях? Естественный отбор – великое изобретение природы. Искусственный отбор – достижение цивилизации. Выживают лучшие, вверх поднимаются достойнейшие.

Я допил виски, подал Гвиневере руку.

– Потанцуем?

– Не боишься прослыть посмешищем для местной публики? Ведь твоя дама почти не умеет танцевать.

– Я ничего не боюсь.

– Нет, все же воздержимся, – надула губки Дженни. – Давай выпьем еще по рюмке. Ты как?

– Конечно...

Мы выпили, закусили бутербродами с черной икрой. Мне не очень нравится ресторанный способ приготовления: икра с одной стороны бутерброда, масло – с другой. И веточка петрушки совершенно лишняя. Вот ломтик лимона не помешал бы. Только куда его класть? На масло или на икру?

– Я ожидала от бала чего-то большего, – призналась Гвиневера. – Да, все красиво, наряды, танцы, музыка... Только видно, что люди – современные.

– Это как? – удивился я.

– Понимаешь, мне казалось, если бал – то мы словно перенесемся в старину, в семнадцатый или восемнадцатый век. А здесь и разговоры о современной политике, и шпаги в углепластовых ножнах, и туфли с парижскими лейблами...

– Ты и лейблы успела заметить?

– Немудрено, когда название фирмы вытиснено на коже такими крупными буквами.

– Непатриотично, – усмехнулся я. – Лет двадцать назад в некоторых местах за такое могли бы побить. Есть же «Скороход», «Мягкоступ», да и «Россия», если говорить об элитной обуви. А тут какие-то французские туфли.

– И итальянские.

– Ну, итальянская обувь действительно неплоха... У меня были туфли – прочные, но тяжеловатые.

На возвышение, с которого выступал мэр города, поднялся распорядитель бала – импозантный седой мужчина в красном кафтане с золотыми нашивками. Я его не знал – скорее всего профессиональный ведущий. Может быть, артист или клубный работник.

– Лотерея! Благотворительная лотерея! – объявил он. – Все четыреста билетов раскуплены! Доход в десять тысяч рублей получен. Из них четыре тысячи пополнили призовой фонд! Прошу моих помощников внести лототрон. Игнат Иванович, разрешите пригласить вас на сцену!

Мэр поднялся на возвышение. Следом за ним два молодых человека во фраках внесли уже знакомый нам барабан из прозрачного пластика, набитый разноцветными бумажками.

– Зеленые купоны – первая сотня, синие – вторая, желтые – третья, красные – четвертая, – пояснил распорядитель. – Поэтому прошу нашего уважаемого мэра не смотреть, какого цвета купон он вытаскивает.

– Конечно, – улыбнулся Вяземский. – О призах сказать сразу, или отложим эту приятную миссию до того, как они будут распределены?

– Сейчас, сейчас! – раздались голоса из зала.

– Действительно, когда призы будут объявлены, сразу же появятся желающие купить больше билетов, – сообщил мэр. – Но тираж, увы, разошелся... И тем не менее сообщаю: в канун праздника мы зафрахтовали самолет, который сейчас ждет пассажиров в аэропорту. Через несколько часов, а именно – в пять утра, он charterным рейсом вылетит в Константинополь – и вернется в четыре часа дня по московскому времени. В Константинополе желающие смогут посетить собор Святой Софии, погулять по праздничному городу. На каждый выигранный билет полагаются два места в самолете. Приехать в аэропорт, естественно, нужно заранее.

– Как я хочу посетить вашу третью столицу! – шепнула мне на ухо Дженни. – Вот бы выиграть!

По всей видимости, выигрыш понравился не только ей – люди в зале загомонили. Какая-то молодая дама почти в полный голос заявила своему кавалеру: «А ты пожалел лишние двадцать пять рублей!» Соседи смущенно отвернулись, постарались не заметить выяснения отношений, которое их не касалось.

– Наши шансы – четыре к десяти, – заметил я. – Каждый десятый билет выигрывает, у нас их четыре. Вероятность неплохая, но, увы, меньше половины. Так что, если очень захочешь,

мы слетаем в Константинополь за свой счет. Билет на самолет туда и обратно, кажется, стоит около тридцати рублей.

– Я верю, что нам повезет!

– Посмотрим.

Распорядитель раскрутил барабан. Бумажки заметались внутри, перемешиваясь. Мэр собственноручно остановил барабан, вытащил первую бумажку – она оказалась зеленой – и провозгласил:

– Девяносто один.

Бурного проявления радости в зале заметно не было – выигравший хранил инкогнито или не помнил номер своего билета.

– Наши шансы упали, – грустно сообщила Дженни.

– Немного.

– Нет, прилично... Ведь он вытащил зеленую бумажку. Вероятность того, что и следующая будет зеленой, очень невелика.

– Совсем нет. Вероятность появления билета любого цвета – одна четвертая. Ведь там по сто билетов каждого цвета, а выбор предыдущего билета совершенно никак не сказывается на выборе последующего. Это случайные процессы. Ну, если быть точным, зеленых билетов осталось девяносто девять, а остальных – по сто. Но такая разница при расчетах практически неразличима.

Дженни смущенно улыбнулась:

– Хотя я и социолог, расчеты никогда не были моей сильной стороной. Обычно я работаю на качественном уровне.

– Триста двадцать семь, – объявил мэр, вынимая из барабана красный билет.

Девушка из зала захлопала в ладоши. Некоторые пожилые женщины покосились на нее с неодобрением. Я не видел в проявлении эмоций ничего плохого, но наши солидные матроны, очевидно, считали иначе.

– Сто двадцать пять. Сто двадцать восемь.

Если бы номера вытаскивал не мэр города, наверняка раздались бы крики: «Лучше мешай, шляпа!»

– Триста восемьдесят один. Пять. Девяносто один.

– Одни зеленые, и ни одного нашего, – мрачно прокомментировала Дженни.

– Двести одиннадцать. Семнадцать. Сто шестьдесят четыре.

Кто-то уже звонил домой по мобильному телефону – сказать, что до завтрашнего вечера не вернется, отдать распоряжения прислуге или детям.

– Восемьдесят. – Игнат Иванович вытащил еще одну зеленую бумажку.

– Наша! – прошептала Гвиневера. Глаза ее лучились счастьем.

– Вот и отлично. – Я тоже обрадовался.

– Поедем домой? Надо переодеться.

В самом деле, ходить в вечернем платье по Константинополю днем – дурной вкус. Да и я бы надел что-то более практичное, чем смокинг.

– Дождемся окончания лотереи. К тому же лотерейные билеты, наверное, надо обменять на билеты на самолет.

– Ты надеешься, что выпадет еще один наш номер? Что мы тогда будем с ним делать?

– Возьмем с собой Дорофеевых. Они будут рады. Продавать выигрышный билет благотворительной лотереи по спекулятивной цене вряд ли достойно.

Дженни, казалось, на мгновение задумалась, а может, мне показалось – прагматичный подход американцев к жизни россияне зачастую судят чересчур строго. Но нам не пришлось преодолевать искушение – ни один из наших номеров больше не выиграл. И самим Дорофеевым тоже не повезло.

На выходе из Дома офицеров – мы решили отправиться домой сразу, не дожидаясь окончания приема, – я увидел человека в глухом плаще и шляпе, который подходил ко всем покидающим бал и что-то спрашивал у них. Я решил, что это журналист, и удивился, почему все отрицательно качают головой, отказываясь с ним общаться. Неужели трудно уделить человеку пять минут? При виде нас «журналист» отчего-то не только не задал вопроса, но еще и шаркнул в сторону. Наверное, он был просто сумасшедшим. Оглянувшись, я заметил, что он перестал приставать к прохожим и общается с кем-то по мобильному телефону.

Достав свой мобильник, я вызвал такси – оператор пообещала, что машина прибудет минут через десять. Теперь придется померзнуть на обочине – ночь выдалась прохладной. Задувал легкий ветерок, шумели липы, которыми вкупе с каштанами был засажен центр города. Через пару недель липы зацветут, и аромат здесь будет царить потрясающий – особенно ночью.

Молодой человек, по одежде и субтильному телосложению которого можно было предположить, что он житель, какой-то конторский работник или курьер, подошел к нам через пять минут.

– Извините, разрешите вас побеспокоить?

– Мы ничего не покупаем, – ответил я.

– У меня к вам другое дело.

– Слушаю.

– Не могли бы вы продать мне ваш билет до Константинополя?

Я нахмурился.

– С чего вы взяли, что у нас есть такой билет?

– Вы покинули бал рано... С такой красивой девушкой... Понятно, что собираетесь лететь на чартере в Константинополь.

Дженни улыбнулась комплименту, я нахмурился еще сильнее.

– Пусть так, но почему вы решили, что я захочу продать свой билет? Лишить даму удовольствия посетить Третью столицу?

– Я очень хорошо заплачу. За эти деньги вы сможете слетать в Константинополь в любое другое время. За ваши билеты я дам двести рублей.

Мне стоило большого труда не присвистнуть. Двести рублей за два билета? В три раза дороже обычной цены? Всякое бывает, но что понадобилось этому, похоже, не слишком преуспевающему молодому человеку в Константинополе?

Хочет заключить выгодную сделку? Обещал девушке, какой-нибудь румяной купеческой дочке, что она полетит на праздник не хуже, чем все эти гражданки в длинных платьях? Или он вообще берет билет не для себя?

Парень ежился в застегнутой на все пуговицы тонкой рубашке, просительно глядя мне в глаза. Дженни переминалась с ноги на ногу – видно было, что парня ей жаль, но в то же время отказываться от билета очень не хочется. Я, по своей шерифской привычке, хотел уже «взять его за горло» и хорошенько расспросить, что понадобилось ему в Константинополе именно сегодня утром. Почему он не озаботился покупкой билета заранее или заблаговременно не выехал поездом или не отплыл кораблем – самолеты из нашего города летают в Третью столицу не каждый день? Но такие расспросы были не слишком вежливы, предполагали, что я все же могу уступить ему билет. А я этого делать не собирался.

– Извините, но мы своих билетов не продаем.

– Я дам двести пятьдесят рублей.

– Что вам так понадобилось в Константинополе? – поинтересовалась Дженни. Она не была скована нашими предрассудками.

– Интересы бизнеса, – скорбно поведал юноша. – Я могу потерять пять тысяч, если завтра до десяти утра не перелечу через море.

Я отметил это слово «бизнес». Обычно русские говорят на русском языке – «дело». Бизнесом занимаются в Америке. А купца-«бизнесмена» коллеги всегда могут поднять на смех. Такое ощущение, что молодой человек работал за рубежом...

– Если дело так серьезно, вы можете обратиться к начальнику аэропорта, – посоветовал я. – В чартере наверняка остается несколько свободных мест – хотя бы в кабине пилота. За цену в три раза большую, чем стоит билет, вам помогут. В конце концов, вы можете полететь через Москву – час до столицы, два часа до Константинополя.

– Нет, так не успею, – безапелляционно заявил парень. – Пожалуйста!

– Извините, но у вас есть другие пути для достижения своей цели, – покачал головой я. – Попросите об одолжении кого-то еще. Мы вам свой билет не продадим.

Мигая зеленым огоньком, подкатило такси.

– Господин Волков! Машина подана! – высунувшись в окно, прокричал таксист.

– Мы уже идем. – Я махнул водителю рукой.

Усевшись в такси, мы заметили, что молодой человек, который выпрашивал у нас билет, не торопится обратиться с такой же просьбой к другим счастливицам, покидающим Дом офицеров. Вытащив мобильный, он кому-то звонил. Ситуация не нравилась мне все больше – я не понимал чем, но мерзкий комок тревоги подкатывал к горлу.

Вспомнив, что перед нами с приема уходил Виктор Сидоренко с супругой – он тоже работал в управе, и мы были слегка знакомы, – я решил позвонить ему. Вызвал справочную службу, узнал его телефон, перезвонил.

– Слушаю, Никита Васильевич, – проговорил он, когда я представился.

– Виктор Анатольевич, прошу прощения за излишнее любопытство... Увидел, как к вам подходил какой-то мужчина в шляпе. Если не секрет, что он просил?

Сидоренко, по-моему, ожидал чего угодно, только не такого вопроса. Помедлив, он отозвался:

– Просил продать билет до Константинополя. Хотя бы один. Предлагал сто рублей.

– Вот как? Мне предлагали двести пятьдесят.

– Цены растут. А почему вас заинтересовал этот мужчина, Никита Васильевич?

– Странный он какой-то...

– Возможно, сумасшедший. Глаза у него горели подозрительным огнем. Может, у него и ста рублей не было. А может, журналист «желтой прессы». Готовит какой-нибудь «разоблачающий» материал.

– О гражданах и о том, как они падки на деньги? После такого материала его просто пристукнут.

– Кто знает, что было у него на уме. Может, правда мечтал попасть в Константинополь на День Освобождения. Всякие бывают мечты.

– Да, но для их реализации люди обычно выбирают более простые пути. Так мне кажется.

– У сумасшедших своя логика.

– Согласен. Спасибо, Виктор Анатольевич. Извините, что побеспокоил.

– Что вы, Никита Васильевич, всегда рад.

Регистрация на рейс прошла быстро. На борт пускали только граждан, никаких досмотров, проверок вещей, ненужных формальностей. Чартер он и есть чартер. Да и пункт назначения, Константинополь, хоть и находился в особой зоне, был отрезан от остальной России морем и границами Румынии и Болгарии, являлся такой же неотъемлемой частью нашей территории, как Сахалин, Гавайи или Аляска.

Мелькнули за иллюминаторами яркие огни взлетно-посадочной полосы, и самолет ушел во тьму, за облака. Стюардесса начала развозить завтрак – слишком ранний. Но есть, надо заметить, хотелось. Бессонная ночь способствовала аппетиту.

В аэропорту я, пользуясь старыми связями, специально проверил, не зарегистрировался ли на рейс кто-то, кроме выигравших в благотворительной лотерее. Первый пилот самолета заверил меня, что никто посторонний в самолет не сел. И это не понравилось мне еще больше. Слишком нездоровую активность развернули неизвестные лица вокруг этого рейса...

Самолет летел навстречу солнцу. Небо светлело, облака становились реже. Мы находились над морем, но разглядеть его не могли – внизу было слишком темно. Дженни сонно мурлыкала какую-то песню – настроение у нее было прекрасным. А я размышлял. Неужели так совпало, что несколько человек захотели приобрести билет именно на этот чартерный рейс? Или все они старались для кого-то? Но для кого и, главное, зачем?

Все сорок кресел в нашем салоне были заняты. В первом салоне, по всей видимости, тоже. Удалось таинственному незнакомцу перекупить у кого-то билет? Как его узнать?

Через два ряда от нас задумчиво жевал бутерброд с красной икрой Сидоренко. Жена его прикорнула, уткнувшись ему в плечо. Некоторые пассажиры не стали переодеваться, некоторые съездили домой... Всех граждан, присутствовавших на приеме, я, естественно, не знал.

Самолет качнуло, Дженни вскинулась и выглянула в иллюминатор.

– Море!

– Босфора еще не видно?

– Вроде бы нет. А как он выглядит?

– Как берег. Я имел в виду, видишь ли ты землю.

– Думаешь, мы прилетим так быстро?

– До Константинополя лететь ближе, чем до Москвы. Аэропорт там огромный – все рейсы в Африку и многие на Ближний Восток садятся в Третьей столице для дозаправки, чтобы принять и высадить пассажиров.

– Ты прежде бывал в Константинополе?

– Нет. Хотя мне всегда хотелось увидеть Золотой Рог.

– Храм?

– Бухту. А храм мы увидим другой – Святую Софию. Ее построили, если не ошибаюсь, в шестом веке. Представляешь?

– Америку тогда еще не открыли, – серьезно заявила Дженни. – Поэтому мои предки могли работать на строительстве наравне с твоими. А после они строили Нью-Йорк.

Я рассмеялся – между постройкой Святой Софии и возведением нью-йоркских небоскребов в мире произошло довольно всякого. Преимущественно – в Европе.

– А твоя семья прибыла в Америку на «Мейфлауэре»?

Спросил без сарказма – мне действительно было интересно. Дженни как-то редко вспоминала о своей родословной. Больше рассказывала о достижениях отца, который выстроил свой бизнес сам, не имея богатых родственников.

– Нет, но наш род живет там давно. Я даже не знаю, кто из предков приехал в Америку и в каком году. Мы словно всегда там жили. Хотя я не индианка, конечно.

– Это заметно, – улыбнулся я.

Над горизонтом показалось солнце. В его свете мы увидели полоску берега – Фракия или Малая Азия? Город с такого расстояния не различался.

– Через десять минут мы совершим посадку в аэропорту Константинополя, – сообщила стюардесса. – Обратный вылет самолета запланирован на четырнадцать часов по московскому времени. Те, кто опоздает на рейс, будут вынуждены добираться домой своим ходом.

– Сурово, – прокомментировала объявление Дженни.

У меня заболела голова – самолет начал резко терять высоту.

Огромный автобус «Мерседес» стального цвета ожидал нас в аэропорту. Точнее, автобусов было два – но нам достался этот. Вторая группа уехала на не такой большой, но достаточно вместительной «Кубани» чуть раньше.

На летном поле было тепло и пахло морем – несмотря на то, что солнце едва поднялось над горизонтом. Ревели двигатели самолетов, шумела трасса неподалеку. Аэропорт Стамбула – один из крупнейших в Европе, перекресток воздушных путей.

Кресла в «Мерседесе» были мягкие и удобные, огромные окна давали хороший обзор. Когда автобус вырулил на трассу и помчался к городу, с откидного сиденья впереди поднялся экскурсовод – низенький мужчина с вьющимися смоляными кудрями и длинным носом с горбинкой. На поясе – короткий клинок. Гражданин. Интересно, он из купеческой семьи или проходил где-то гражданскую службу из-за слабого здоровья? Представить его в армии я почему-то не мог. И дело было не в росте – повадки нашего гида были сугубо гражданскими, мягкими. На лацкане пиджака висел бейджик. Присмотревшись, я разглядел, что экскурсовода зовут Николай Асланиди.

Говорил Асланиди с акцентом, но очень увлеченно. Глаза его лучились энтузиазмом.

– Рад приветствовать вас в одной из столиц Российской империи! Если Москву называют иногда Третьим Римом, и звание это у нее оспаривали Берлин, Париж, а в последнее время и Нью-Йорк, финансовая столица Америки, то древний Константинополь был и остается Вторым Римом – резиденцией императоров Восточной Римской империи на протяжении долгих веков.

Дженни, казалось, шире открыла глаза. И в самом деле – мы приближались к городу, история которого была богаче истории всех городов Америки, вместе взятых. Здесь на золотых престолах восседали римские императоры, этот город штурмовали крестоносцы и османы... Не так далеко лежала и легендарная Троя!

– Наиболее важная и интересная часть нашей экскурсии – посещение площади перед храмом Святой Софии, осмотр достопримечательностей. Желающие смогут войти и в храм... Это грандиозное сооружение было задумано императором Константином Великим в четвертом веке нашей эры. Первый храм сгорел, и по приказу императора Юстиниана Первого была начата постройка Святой Софии в ее нынешнем виде. Но о храме мы поговорим позже, когда доберемся до него. А сейчас я хотел бы рассказать об истории Константинополя – третьей российской столицы.

– Они могли бы раздать какие-то проспекты, – прошептала Дженни. – Лично мне тяжело воспринимать информацию на слух. Да и говорит экскурсовод не совсем понятно. То ли я устала, то ли начала забывать русский.

– Он – грек, тебе мешает акцент, – объяснил я. – Но, наверное, наш гид знает много интересного – иначе его не поставили бы работать на маршрут. Мы купим путеводители в городе. Сейчас ты можешь просто смотреть в окно, а если что-то будет непонятно, спроси у меня.

– Мы движемся в Константинополь по той же дороге, какой входила сюда русская армия, освобождая его от долгого турецкого владычества, – продолжил Асланиди. – Тогда, пройдя победным маршем через Румынию, Болгарию, оказав помощь православной Греции, наши войска полностью выбили турецкие войска из Фракии и продвинулись на некоторое расстояние в Малой Азии. Из-за активного сопротивления Британии и Франции территории, захваченные на Малоазийском полуострове, пришлось оставить. Остров Кипр, на который высадился десант греков и русских, был отдан под протекторат Британии. Но нужно помнить, что война 1847 года была полностью освободительной. Народы, попавшие в турецкое рабство, воевали за свою свободу.

– Так всегда, – хмыкнула Дженни. – Тот, кто выигрывает войну, воюет за благие цели. А проигрывают всегда негодяи и подлецы. Таким образом, добро всегда побеждает.

– Турки действительно притесняли христианское население. – Я пожал плечами. – Неужели ты будешь спорить и с этим?

– Я просто хочу сказать, что, захватив проливы, русские осуществили свою вековую мечту – контролировать выход в Черное море.

– Не вижу в этом ничего предосудительного, – парировал я. – Турция имеет достаточно портов на берегу Средиземного моря, у Грузии практически нет флота. К тому же это наш стратегический союзник на Кавказе, православное государство. Болгарам и румынам хуже не стало. Так что проливы были нужны только нам, и ничьи интересы от того, что мы стали контролировать Босфор и Галлипольский полуостров, не пострадали.

– Однако Турция не смирилась с потерей Константинополя... Да и многие арабы поддерживают турок в их территориальных притязаниях.

За окном показались высотные дома. Застройка новых районов города мало отличалась от архитектуры северных российских городов. Только растительность была другой: не березки, а пальмы, не елки, а кедры...

– Турки-османы разрушили Византийскую империю и захватили Константинополь в тысяча четыреста пятьдесят третьем году, – продолжил экскурсовод. – Султан Мехмед Второй, который предводительствовал вторжением, переименовал город в Стамбул. Ни о каком сохранении культурных ценностей в те времена речи не шло. Храм Святой Софии, куда мы сейчас едем, турки преобразовали в мечеть: убрали иконостас, алтарную преграду, амвон и патриарший престол. Мозаики были закрыты штукатуркой, над куполом подняли полумесяц, возвели михраб – нишу в стене, ориентированную в сторону Мекки. Возле храма были построены четыре минарета.

– Мы сможем увидеть эти минареты, господин Асланиди? – «наивно» спросила Дженни.

– Нет, они были взорваны после того, как русская армия вошла в город, – не смутившись, ответил Николай. Я порадовался, что нам попался компетентный экскурсовод. – Солдаты уничтожали все, что напоминало о владычестве турок, с которыми шли ожесточенные бои за город. Неизвестно, осмелились бы отдать приказ о сносе минаретов вокруг Святой Софии гражданские власти – ведь это вызвало бы бурю негодования местных жителей и мусульманского населения России. Но если вас интересует мое мнение, была восстановлена историческая справедливость. Над Святой Софией спустя столетия вновь водрузили крест. Сейчас один из древнейших христианских храмов вновь открыт для прихожан. К тому же мечеть Султан-Ахмед неподалеку осталась в неприкосновенности. Минареты нарушали архитектурный ансамбль Святой Софии...

На въезде в город дорогу преграждал мощный шлагбаум, по бокам которого стояли самые настоящие армейские блиндажи, ошестинившиеся пулеметами. Несколько солдат, вооруженных автоматами, дежурили на вышках и сбоку от дороги, прикрывая полицейских, которые осуществляли досмотр автомобилей.

– Из-за постоянных терактов и диверсий Константинополь находится практически на военном положении, – пояснил экскурсовод. – Поэтому вы можете видеть здесь очень нетипичную для России картину: людей с огнестрельным оружием. Террористы, вне зависимости от национальности и гражданства, приравнены к врагам государства, и против них разрешено применять любые средства. За свою безопасность вы можете не опасаться – сейчас террористические акты происходят раз или два в году, обстрелы города с территории Турции безжалостно подавляются артиллерией и ракетами, как наземного базирования, так и с самолетов-штурмовиков, – поэтому город живет относительно спокойно. Но за эту относительную безопасность приходится платить.

Автобус остановился у контрольно-пропускного пункта, в салон вошел армейский офицер в чине майора. Он окинул пассажиров быстрым взглядом, кивнул нашему гида. Тот протянул ему какую-то бумагу.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал майор, выходя. – Желаю приятно провести время в Третьей столице.

– Кстати, если у вас захотят проверить документы в городе, прошу воспринимать это без возмущения, – заметил Асланиди. – Террористы – люди без чести и совести, они вполне могут надеть перевязь со шпагой, чтобы походить на дворянина, и выкрасить волосы в русский цвет. Подделать бумаги сложнее. Мы находимся в России, но Константинополь – особая зона.

– Не думал, что все настолько серьезно, – заявил Сидоренко. – Я, конечно, смотрю телевизор, но мне казалось, что простым гражданам здесь ничего не угрожает.

– Граждане и жители действительно живут почти спокойно. Я предупреждаю вас во избежание недоразумений, – ответил экскурсовод. – Иногда случается, что граждане более спокойных губерний империи возмущаются действиями полиции или службы безопасности. Но все, как правило, делается для блага населения – как граждан, так и жителей. Произвола властей у нас нет, а уровень преступности – один из самых низких в стране. Если бы не теракты, многим казалось бы, что они живут в раю...

– Протестантском, прибранном рае, – улыбнулась Дженни. – Охраняемом архангелами с автоматами.

– Любишь Гумилева? – спросил я, узнав в словах Дженни строку из его стихотворения. – На пути в Африку он бывал здесь не раз, а потом и жил некоторое время. Году в двадцать пятом – двадцать шестом.

– Не думаю, что он был в восторге от того, что минареты вокруг Святой Софии взорвали.

– А я не думаю, что он считал это трагедией. Да и крест на Святой Софии его наверняка радовал.

Проехав спальные районы, мы оказались в старом городе. Где-то автобус пробирался по узким улочкам с односторонним движением, где-то районы были перепланированы, и дороги стали широкими, вполне пригодными для езды. Имелись даже места для парковки.

Экскурсовод рассказывал, какие преобразования произошли в Константинополе за последние пятьдесят лет, какие работы ведутся сейчас. Названия городских районов ни о чем нам не говорили, и мы с интересом глядели в окно. Посмотреть было на что: маленькие базарчики, где толстые турки в фесках торговали сладостями и овощами; седоусые русские рыбаки, продающие только что выловленную и вяленую рыбу; кудрявые черноволосые греки, которые привозили в Константинополь фрукты со всей Фракии.

– Села, которые расположены неподалеку от города, охраняются так же тщательно? – тихо спросила меня Дженни. – России ведь принадлежит большой участок земли вокруг Мраморного моря?

– Не совсем вокруг. В состав империи входит Константинополь и территории вокруг Босфора, а также значительная часть Фракии. Все эти земли до освободительной войны принадлежали Турции, на них живут и турки, и греки, и болгары. Да и русских хватает – места здесь благодатные, многие офицеры и солдаты, которым за храбрость дали в награду земельные наделы, остались здесь навсегда, привезли семьи, родственников, слуг... Мы контролируем также пролив Дарданеллы, но только с одного берега, с Галлипольского полуострова, – другой берег турецкий.

– Но ведь турки могут воспрепятствовать проходу ваших кораблей через этот пролив со своего берега.

Я усмехнулся – возможно, со стороны это выглядело кровожадно, но куда деваться, если отдал армии несколько лет, если считаешь себя настоящим гражданином и государственный образ мышления у тебя в крови? Если интересы России ставишь и выше своих интересов, и выше международного права?

– Хотел бы посмотреть, как у них это получится. Ракетным атакам можно подвергнуть и Босфор, если у турок возникнет такое желание. Отсюда до турецкой границы двадцать—тридцать километров. Но все турецкие укрепления и батареи на их берегу Дарданелл могут быть сметены огнем за пятнадцать минут. Во Фракии базируются две эскадрильи штурмовой авиации, ракетная дивизия, несколько артиллерийских корпусов, крупные танковые соединения. Да и флот, который несет дежурство в Мраморном море, в состоянии защитить и проливы, и идущие по ним корабли.

– Если здесь начнется война, Константинополю все же придется несладко. Я не знаю, сколько самолетов в эскадрилье и сколько танков у вас во Фракии, но у турок их явно больше. Хотя бы потому, что участок земли, которым вы здесь владеете, совсем маленький. На нем не разместить много войск. И он отрезан от основной территории России.

– Если бы не поддержка всей империи, Константинополь и Фракия, конечно же, не выстояли бы в случае военного конфликта. Но на любое недружественное действие последует адекватный ответ. Наши танки за несколько часов пройдут через Грузию, чтобы нанести ответный удар на востоке, самолеты и ракеты поднимутся с крымских аэродромов и баз, чтобы ударить с севера. Черноморский флот обрушит всю свою мощь на береговые крепости противника. Поэтому турки не нападут на Константинополь без гарантий со стороны третьих стран. Гарантий, что у России будет по горло дел в других конфликтах. А этого им пока никто обещать не может.

Автобус остановился на площади перед собором.

– Позади нас – мечеть Султан-Ахмед, – объяснил экскурсовод. – Как видите, она тоже приличных размеров, но, конечно, не такая древняя, как Святая София. Ее построили во время турецкого владычества.

Рядом с парковочной площадкой шумел небольшой рынок, но еще больше шумели туристы – наша экскурсия была отнюдь не единственной. Еще несколько «Мерседесов», «Кубаней» и «Менов» стояли на забетонированной парковочной площадке, окруженной невысокими тенистыми деревьями, названия которых я не знал.

– Сейчас в соборе начнется торжественное богослужение, – сообщил Асланиди. – Мы спешили специально, чтобы успеть к началу. Вы можете отстоять службу в одном из древнейших храмов христианского мира. А если не хотите, у вас есть два часа свободного времени – осмотреть собор снаружи, посетить магазины – они открываются здесь рано, – просто погулять по улицам и ощутить дыхание тысячелетней старины. Неподалеку отсюда – древняя крепостная стена Константинополя, а также подземное водохранилище, водой из которого город снабжался много веков. Его посещение в сегодняшней экскурсии не запланировано, но вы, если поторопитесь, можете успеть спуститься в подземелья на несколько минут. Встретимся возле автобуса в двенадцать часов.

Дженни толкнула меня в бок:

– Какую службу он имеет в виду? Я вообще не поняла, что хотел сказать наш гид. Он, наверное, все-таки использует какой-то местный диалект.

– Церковная служба – это... Ну, служба – она и есть служба. Совместная молитва. Мы можем зайти в собор, а можем побродить вокруг.

– Теперь ясно. И куда мы пойдём?

– Ты знаешь, верующие люди говорили мне, что на службу лучше ходить в свою церковь – если нет насущной необходимости сделать это в другом месте. Поэтому я предлагаю зайти в собор, посмотреть его изнутри потом, когда мы не будем никому мешать. А сейчас погуляем, осмотрим Святую Софию со всех сторон, сфотографируемся на ее фоне.

– Ты не хочешь, чтобы я посещала вашу церковь, потому что я не православная?

На самом деле такая мысль у меня тоже имелась. Вера – личное дело каждого, и не пристало выставлять напоказ праздным зевакам молящихся людей. Но говорить об этом Дженни я не хотел, хотя и врать не собирался.

– Стоять на службе, как того требуется, очень утомительно, особенно с непривычки. К тому же такая девушка, как ты, будет отвлекать прихожан от молитвы.

– Почему?

– Красота всегда отвлекает. Да и платка у тебя нет, волосы не прибраны.

– Надо, чтобы волосы были закрыты?

– Да, причем всегда, когда заходишь в церковь. Поэтому мы сейчас купим платок, выпьем кофе и только после этого отправимся в собор.

Дженни не стала спорить. Группа наша разбрелась по площади – кто-то приценивался к фруктам, кто-то деловито зашагал в сторону лавок, торгующих сувенирами. Сидоренко с женой уже сидели в маленьком кафе, приютившемся рядом с автобусной стоянкой.

Мы пошли через площадь к узкой старинной улочке, которая показалась нам весьма интересной. Она могла послужить иллюстрацией к сказке о приключениях Али-Бабы или о похождениях багдадского султана. Улица, по всей видимости, была построена в то время, когда Константинополь находился под властью турок, и сохранила очарование Востока.

Тем чудеснее смотрелся из восточных дворишков величественный храм с золотым крестом на огромном куполе, царивший над городом. Я обернулся, чтобы взглянуть на Святую Софию, и гордость переполнила мое сердце. Мы все-таки дошли до края Черного моря, присоединили к великой империи столицу древней Византии. Теперь Россия по праву могла считаться наследницей Второго Рима, а через него – и Первого. Водрузить крест на Святой Софии – не то же самое, что освободить Гроб Господень, но победа все равно была велика. И ведь не только Константинополь и проливы послужили причиной войны. Тогда, сто лет назад, православные народы были освобождены из турецкого рабства: свободу, независимость и право исповедовать православие получили греки, болгары и сербы. Россия стала по-настоящему европейской державой. Можно сказать, что с обретением Константинополя завершился тот процесс европеизации, что начал Петр Великий. И пусть в Европе косо поглядывали на наши шпаги, рубль был самой устойчивой валютой в Евразии.

Казалось, в центре Константинополя рынок – повсюду. Пожилой турок в небольшом дворике продавал вяленый инжир и изюм, орехи и мед. Рядом с ним расположился седобородый русский старик. Он торговал окаринами и глиняными флейтами. Я бы с удовольствием приобрел окарину, звучала она таинственно и прекрасно – как раз для этого древнего города, – но на ней нужно учиться играть. А я, увы, играю только на фортепьяно, да и то почти все забыл. Дженни, увидев окарины, оживилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.